

ЗВЕЗДЫ ИНТЕЛЕКТУАЛЬНОГО ДЕТЕКТИВА

18+

ДЖЕЙМС
ОСВАЛД

КНИГА ДУШ

Джеймс Освальд
Книга душ
Серия «Звезды
интеллектуального детектива»
Серия «Инспектор
Тони Маклин», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69244306
ISBN 978-5-17-146896-5

Аннотация

В течение десяти лет каждый год под Рождество в Эдинбурге находили тела молодых женщин. Все они были обнажены, чисто вымыты. У всех перерезано горло. Последней жертвой стала Кирсти Саммерс, невеста детектива-констебля Тони Маклина. Но Рождественский убийца допустил ошибку, и одержимый горем Маклин выследил его и поймал. Двенадцать лет спустя маньяка убивает сокамерник, и в ту же зиму убийства начинаются снова. Неужели полиция ошиблась и арестовала невиновного? Или же у Рождественского убийцы появился подражатель? А может, есть какое-то другое, более зловещее объяснение?

Содержание

Книга душ	5
1	5
2	8
3	16
4	18
5	27
6	29
7	38
8	48
9	55
10	57
11	66
12	74
13	83
14	85
15	95
16	97
17	107
18	115
19	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Джеймс Освальд

Книга душ

James Oswald

THE BOOK OF SOULS

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского: Павел Кодряной

Дизайн обложки и иллюстрация: Светлана Сапега

The Book of Souls

Copyright © 2013 by James Oswald

All rights reserved.

© Павел Кодряной, перевод, 2023

© Светлана Сапега, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Книга душ

1

Северная оконечность города окутана неестественной тишиной. Такое чувство, что празднующая толпа на Принсес-стрит забрала с собой все звуки. Окружающий покой нарушают лишь редкие такси. Ноги сами несут его по безлюдным улицам. Подальше от толпы. От праздника. От веселья.

Он бродит в тщетных поисках уже несколько часов, хотя заранее знает, что надеяться не на что. Кажется, он успел побывать здесь раньше? Кошмарное ощущение дежавю. Он уже видел эти стрелки башенных часов, неумолимо стремящиеся к полуночи – и к началу нового тысячелетия. Этот скользкий, блестящий от дождя булыжник мостовой. Эти демонические отсветы далекого зарева на каменных стенах домов. Ноги продолжают нести его вниз по склону, шаг за шагом, один круг ада за другим. И с каждым шагом растет отчаяние.

Почему он остановился на мосту? Услышал невозможный, немыслимый звук, эхо предсмертного вопля, раздавшегося десять лет назад? Или виновата внезапно сгустившаяся тишина – это толпа затаила дыхание, отсчитывая секунды до начала новой эры? Возбуждение празднующих ему безраз-

лично, в нем самом по этому поводу нет ни капли энтузиазма. Вот если бы он мог остановить время, повернуть его назад! Как многое он сумел бы тогда изменить! Но время продолжает двигаться, одно мгновение следует за другим. Вперед и вперед, до бесконечности.

Облокотившись на холодный камень парапета, он смотрит вниз, в темные струи потока. Что-то, гнавшее прочь от ликующей толпы, привело его именно сюда.

Грохот фейерверка отмечает начало тысячелетия. Залпы следуют один за другим, над зданиями расцветают огни. В небесах зажигаются миллионы новых звезд, отражаясь в черной воде. Тьма отступает. Мрачная тайна становится явью.

Вспышка.

Сверкающее отражение в воде принимает странную, неясную форму, и ее уже невозможно изгнать из сознания.

Вспышка.

Стайка рыб, торопливо клевавших белые пальцы, в испуге уносится прочь.

Вспышка.

Длинные черные волосы лениво извиваются, словно водоросли во время прилива.

Вспышка.

Поток, набравший силу за неделю сплошных дождей, наконец преодолевает последнее препятствие на пути к морю, тянет ее за собой, переворачивает.

Вспышка.

Пепельно-бледное лицо умоляюще смотрит прямо на него мертвыми глазами.

Вспышка...

2

– Ах ты, зараза! Здесь же крысы!

– Поттише, констебль!

– Сержант, она мне прямо по ноге пробежала! Огромная, что твой барсук!

– Да мне плевать, будь она даже размером с мою задницу. Чтоб больше ни звука до моей команды!

В темной улочке, где кучка полицейских притаилась за грудой мусорных мешков рядом с мрачной, безжизненной коробкой жилой трехэтажки, снова повисло недовольное молчание. Доносившиеся сюда отзвуки большого города только подчеркивали царившую вокруг неподвижность, а единственный уцелевший фонарь превращал мрак в лучшем случае в сумерки. В такую рань обитатели здешних трущоб или спят, или пребывают глубоко под кайфом.

Рация дважды щелкнула, и в наушнике послышался дребезжащий голос:

– Черный ход под контролем. Можете приступать.

Полицейские двинулись вперед – правда, мусорные мешки с обеих сторон заметно ограничивали им свободу маневра.

– Приготовились! На счет «три» начинаем. Раз. Два. Три!

Тишину разорвал треск ломающегося дерева, потом – раздосадованный вопль:

– Черт, она же не заперта! – И почти без паузы: – Зараза, да тут засрано все!

Детектив-инспектор Энтони Маклин со вздохом включил фонарик. Луч выхватил из темноты констебля Джонса, барахтающегося в очередной куче мусорных мешков, сваленных сразу за дверью подъезда.

– Чему только тебя учили в полицейской школе?..

Маклин протиснулся мимо Джонса в промозглую глубину коридора. Принюхался – и с трудом сдержал рвотный позыв. Как и положено в эдинбургских трущобах, здесь воняло разлагающимся мусором, мочой и плесенью. Вот только интенсивность вони в этом доме просто зашкаливала, и это не предвещало успеха его предприятию.

– Боб, проверь первый этаж. Джонс, помоги ему.

Маклин повернулся к последнему члену своего небольшого отряда, юному детективу-констеблю Макбрайду. Час назад он нехотая оказался в столовой полицейского управления и не сумел прикинуться занятым. За что и поплатился.

– Макбрайд, давай за мной. Посмотрим, чего ради мы ломали незапертую дверь.

На каждом из трех этажей было по две крошечные квартирки. Все двери оказались незаперты. Граффити, сплошь покрывавшие стены, выглядели старыми; похоже, они не обновлялись уже несколько месяцев. Маклин осторожно продвигался от комнаты к комнате. Луч фонарика высвечивал

разломанную мебель, вырванные с мясом розетки, иной раз –дохлую крысу. Макбрайд, как дрессированный пес, не отставал ни на шаг, его постоянное присутствие за спиной уже начинало действовать на нервы. Хотя не исключено, что он просто опасался шагнуть в сторону, чтобы ненароком чего-нибудь не задеть. Тогда его можно понять, запах этих стен потом будет не отстирать от одежды.

– Похоже, опять зря время потратили, – мрачно заметил Маклин, когда осмотр квартир был закончен и они снова вышли на площадку верхнего этажа. Стекло в окошке, выходящем во двор, давным-давно отсутствовало, все продувал холодный сквозняк, но по крайней мере и пахло не так мерзко.

– Сэр, а мы вообще-то что здесь ищем? – осмелился поинтересоваться Макбрайд, в последний момент, похоже, передумав, но было уже поздно.

– Хороший вопрос, констебль. – Маклин посветил фонариком вниз, в колодец лестничной клетки, потом направил луч на поднимающийся углом потолок. В самом верху для освещения было устроено окошко, забранное армированным стеклом. Рукой обитатели здания до него вряд ли достали бы, да и чтобы добросить чем-нибудь, надо было постараться, тем не менее пара стекол треснула и держалась на честном слове.

– Я получил сигнал. От своего информатора. Или как их у нас теперь принято называть в отчетах? От добровольного негласного помощника полиции. – Маклин недовольно мах-

нул рукой, луч фонарика метнулся по лестничному пролету. — Да и хрен с ним, с названием. Моего информатора зовут Иззи, он наркоман и редкостная бестолочь. Похоже, скормил мне первую пришедшую в голову чушь, лишь бы я от него отвязался. Дескать, здесь берут товар уличные торговцы наркотой. Ну и я тоже хорош — нашел кому верить.

В темном пролете замелькали отсветы фонариков с первого этажа — детектив-сержант Боб Лэрд, более известный как Ворчун, и констебль Таффи Джонс пробирались между мусорными мешками в вестибюле. Если бы они нашли что-то стоящее, то давно дали бы знать. Очевидно, операция прошла впустую. Уже не в первый раз. Просто великолепно! Дэгвуд будет вне себя от счастья.

— Пойдем и мы, что ли. Лучше бы нам не заставлять Ворчуна взбираться на третий этаж. Можешь возвращаться в столовую.

Уже наполовину спустившись, Маклин почувствовал, что за спиной на этот раз никого нет. Он обернулся. Свет фонарика Макбрайда падал на участок стены над дверью одной из квартир. В стене виднелся небольшой люк, очевидно, ведущий на чердак здания. В люке не было ничего примечательного. Если не считать новенькой блестящей накладки для навесного замка.

— Как по-вашему, сэр, нет ли там чего-нибудь? — смущенно спросил Макбрайд, когда инспектор снова поднялся по лестнице.

– Есть только один способ узнать. Подсади-ка.

Маклин зажал фонарик зубами и осторожно оперся подошвой на подставленные констеблем руки со сплетенными в замок пальцами. Ухватиться оказалось совсем не за что, люк был почти вровень со стеной, пришлось вытянуть другую ногу далеко в сторону, чтобы опереться на шаткий лестничный поручень. Только после этого ему удалось достать до люка и отвести накладку. Там, где еще недавно болтался замок, на ней остался сверкающий в свете фонарика след.

– Держи крепче!

Маклин надавил, сперва безрезультатно, но от дополнительного усилия люк неожиданно легко распахнулся. Очевидно, петли были хорошо разработаны и не успели заржаветь. Темнота внутри оказалась другого оттенка, а к шедшей снизу вони немедленно добавился по-своему приятный, сладковатый растительный аромат. Маклин покрутил головой. Луч зажатого в зубах фонарика осветил закрепленную вдоль крыши алюминиевую фольгу, ряды низких деревянных стеллажей, лампы дневного света.

– Сэр, простите, я вас долго не удержу, – простонал Макбрайд, сгибающийся все ниже под восьмьюдесятью килограммами массы инспектора. Если уже не всеми восьмьюдесятью пятью.

Маклин безуспешно попытался перенести часть веса на поручень, в последний момент сумел извернуться и прыгнуть, но все же не устоял и хлопнулся на лестничную клетку.

Макбрайд с испугом смотрел на него, ожидая выволочки, но Маклин только усмехнулся.

– Доставай-ка рацию, – приказал он. – Чем быстрее сюда придут криминалисты, тем лучше.

Когда мешки вытащили наружу, дышать стало легче. Правда, каменный пол под ними оказался липким и скользким, и лучше было не задумываться, каким именно жидкостям он обязан такими свойствами. Маклин наблюдал, как целая бригада криминалистов в белых комбинезонах, высадившись из автофургона, марширует вдоль коридора и дальше вверх по лестнице, волоча на себе потертые алюминиевые ящики с дорогостоящим оборудованием.

– Не завидую бедолаге, которому придется все это сортировать, – мотнул головой в сторону мусорных мешков Ворчун. Снабженные гордыми этикетками «Вещественные доказательства», мешки валялись кучей прямо посреди дороги в ожидании грузовика.

– Боюсь, что это удовольствие достанется мне. Кстати, кто здесь отвечает за расследование? – Одна из фигур в комбинезонах остановилась на полдороге и стянула белую шапочку, под которой обнаружилась целая копна черных волос, похожих на колючки дикобраза.

О том, встречается Эмма Бэйард с Маклином или нет, в управлении ходили самые противоречивые слухи. Во всяком случае, последнюю пару недель они не виделись – Эмма ез-

дила на какие-то тренировочные курсы. Несмотря на полумрак в коридоре, выражение недовольства на ее лице было ни с чем не перепутать, и Маклин мысленно чертыхнулся – первая встреча после разлуки могла бы произойти и при более благоприятных обстоятельствах. Он покосился на Ворчуна, но тот лишь пожал плечами, явно не желая брать ответственность на себя.

– Привет, Эм! – Маклин, больше не скрываясь, вышел из тени. – Я думал, ты все еще в Абердине.

– Похоже, лучше мне было и не возвращаться, – хмыкнула Эмма, кинув красноречивый взгляд на мусорную кучу. – Тебе не бросилось в глаза, что на чердаке как минимум месяц никого не было?

– Вот дерьмо!

Очередная пустышка. А он было понадеялся, что наконец-то удалось напасть на горячий след.

– Именно что дерьмо! Двадцать три вонючих мешка с дерьмом, на тот случай, если ты предпочитаешь точность в формулировках. И мне придется перелопатить каждый из них, причем в полной уверенности, что ни хрена полезного для твоего расследования там нет. Разве что кто-то взял бы на себя ответственность и отменил анализы... – Эмма умолкла, неуверенно переводя взгляд с Маклина на Боба и обратно.

– Если бы я только мог, Эм. – Маклин попытался улыбнуться, полностью отдавая себе отчет, что ничего кроме

скорбной гримасы ему не изобразить. – Но ты же знаешь Дэ-гвуда...

– Так это что, его операция? Ну, тогда точно задница! – Эмма смяла шапочку, затолкала ее в карман комбинезона и, повернувшись к столпившимся вокруг мешков криминалистам, крикнула: – Ну что, ребята, поехали! Чем быстрее от этого отделаемся, тем меньше будет вони.

И, даже не попрощавшись, первой шагнула к фургону.

Хлещет ледяной дождь, превращая снег на кладбище в сероватую слякоть. Небо налилось свинцом, тучи сгущаются прямо над головами собравшихся у могилы, словно грозя поглотить их. Он стоит у самого края, глядя вниз, в черноту, пока священник бормочет свои банальности.

Люди пришли в движение, четверо мужчин взялись за веревки, на которых лежит гроб. Она там, внутри, холодная и неподвижная, в любимом платье его матери. Это и ее любимое платье. Было любимое, теперь – никому больше не нужное. Ему хочется сорвать крышку, чтобы еще раз увидеть ее лицо. Хочется обнять ее и силой своего желания повернуть время вспять. И тогда уж он не позволит случиться ничему плохому. Он отдал бы все на свете хотя бы за пару месяцев. И душу тоже? Да разумеется, несите договор, макайте в кровь гусиное перо и показывайте, где расписаться. Зачем ему душа – теперь, когда она умерла?

Он не шевелится. Просто не в состоянии. Он должен быть одним из тех, кто на веревках опускает гроб в могилу, но не способен и на это. Все, что он может, – стоять рядом.

Локоть сжимает чья-то рука. Он поворачивается и видит рядом женщину, одетую в черное. Напудренное до белизны лицо в слезах, но в глазах у женщины – ненависть. Он читает в ее взгляде обвинение. Это он во всем виноват. Виноват, что

ее девочка, ее единственная радость, сейчас навеки скроется под землей, которую уже начали швырять лопатами могильщики. Что она стала пищей для червей. Что она мертва.

Ему нечего возразить. Все верно, он и есть виновник. Почему она не толкнет его в могилу следом за гробом? Он не стал бы сопротивляться. Это было бы счастьем – лежать, обняв ее гроб, пока сверху лопата за лопатой падает земля. Все что угодно лучше, чем пытаться жить дальше без нее.

Но он знает – именно это ему теперь и предстоит.

Полдень еще не миновал, а осеннее солнце уже устало клонилось к горизонту. Маклин поднял голову, чтобы посмотреть на полосатые, как шкура трески, облака над утесами Солсбери-Крэгз, и содрогнулся при мысли о неизбежной зиме. Через несколько минут он нырнет в бетонное чрево полицейского управления, в мир искусственного света и затененных стекол, но пока еще есть возможность, он хочет чувствовать, как ветер касается щеки. Хочет быть где угодно, лишь бы не внутри.

– Будете стоять здесь весь день, сэр? Вам хорошо, а некоторых вот дела ждут! – Ворчун захлопнул дверь полицейского автомобиля и зашагал через парковку к служебному входу.

Однако не прошел он и десяти шагов, как пронзительно взвыл клаксон – Ворчун едва успел отпрыгнуть. Прямо перед его носом у выезда из подземного гаража с визгом и скрежетом затормозил сверкающий новенький «ягуар». Долговязая фигура выкарабкалась с водительского сиденья и захромала навстречу.

– Прости, Боб, я тебя едва заметил. Солнце ослепило.

– Черт побери, Ниди, я уже думал, мне крышка. – Ворчун театральным жестом прижал правую руку к сердцу, а левой похлопал по капоту. – А тачка-то вроде ничего. Пойду про-

верю ведомость – похоже, сержантам наконец оклад подняли, а я и не в курсе.

– Да ладно тебе, Боб! Ты лучше попробуй поменьше тратить на пиво и девочек. – Маклин окинул взглядом сержанта Джона Нидхэма, для близких приятелей – просто Ниди. Царство Ниди располагалось в подземелье управления, где он тянул лямку стража вешдоков и хранителя лабиринта архивных и складских помещений. В другое время Ниди первым превратил бы собственную оплошность в шутку, но сегодня он выглядел непривычно усталым и подавленным.

– Здравствуйте, сэр. – Ниди неловко развернулся, чтобы поприветствовать Маклина.

Похоже, больная нога беспокоила его больше обычного. Маклин вспомнил, каким здоровяком детектив-сержант был в прошлом, когда принял его, совсем еще юного, под крыло. Если бы сержанту в свое время не встретился тот пьяный громила с «розочкой» в кулаке, скорее всего именно Ниди возглавлял бы сейчас расследование, а Маклин называл бы его «сэр».

– Привет, Ниди. А ведь он не так уж и неправ, – Маклин кивнул в сторону Ворчуна. – Тачка хоть куда. Решил сделать себе подарок к выходу на пенсию? Тебе же недолго осталось?

– В феврале уйду. – В голосе Ниди, впрочем, не слышалось особой радости. – Рождество, Новый год – и до свидания, родное управление! – Он воздел руки к мрачным стенам, словно в молитвенном жесте. Или как если бы ожидал,

что из окон грянут аплодисменты. – Нидхэмы служили здесь еще до того, как на месте старого управления построили это здание. В общей сложности лет сто, не меньше. А вот на мне все закончится.

– Кстати, как там твой старик? – поинтересовался Маклин.

Том Нидхэм прослужил здесь патрульным полицейским целых сорок лет. Последнее время его что-то не было заметно, а до того он появлялся регулярно и расхаживал по участку с хозяйским видом, постукивая узловатой тростью и поучая всех подряд. Разумеется, он давно был на пенсии и формально не имел никакого права здесь находиться, но ни один начальник не посмел бы напомнить ему об этом.

По лицу Ниди пробежала тень, он открыл дверь машины, неуклюже забрался за руль и только потом ответил:

– Опять в больнице. Как раз и направляюсь его проведать.

– Тогда передай, что я желаю ему скорейшего выздоровления, и прости, что задержал, – спохватился Маклин.

– Да ладно, я не поэтому торопился, – успокоил его Ниди. – Главное – убраться отсюда подальше, прежде чем Дэгвуду доложат о твоих успехах нынче утром.

– Ты-то откуда знаешь? – изумился Маклин, но Ниди только подмигнул ему, захлопнул дверь и тронулся с места.

Разлитое в атмосфере напряжение неумолимо нарастало по мере того, как Маклин взбирался по лестнице от слу-

жебного входа к самому сердцу управления. Оно сковывало неподвижный воздух, тяжестью ложилось на плечи, давило на барабанные перепонки. В коридорах ощутимо пахло страхом. Впрочем, возможно, это кто-то из молодых констеблей не успел принять душ перед работой.

Самая большая из комнат, отведенных под оперативные штабы, занимала почти весь второй этаж; ее длинные горизонтальные окна выходили прямо на оживленную магистраль, соединявшую центр города с юго-восточными районами. Маклин задержался у раскрытых дверей, наблюдая сцену, больше всего напоминавшую этюд на тему сверхзанятости. Констебли и сержанты, кто в форме, кто в штатском, носились туда-сюда между компьютерами, доской для записей размером во всю небольшую комнату и картой Эдинбурга, которая занимала целую стену. Два десятка голосов что-то бормотали в микрофоны своих гарнитур. Можно было физически ощутить, как трещит по швам бюджет для оплаты сверхурочных. А из-за чего все это? Из-за дурацкого сообщения информатора, которое привело их к давно покинутому наркоманскому гнезду, скорее всего вообще не имевшему никакого отношения к нынешнему расследованию?

— Ого. Гляньте-ка, кого к нам занесло! Я уж начал беспокоиться, не случилось ли чего с тобой.

Маклин повернулся к насмешнику, радуясь хотя бы тому, что собеседник не станет с ходу мешать его с дерьмом. Инспектор Лэнгли считался вполне нормальным парнем, во

всяком случае для сотрудника отдела по борьбе с наркотиками. Вообще-то, с формальной точки зрения это было его расследование, а группу Маклина придали ему для технической поддержки, что бы там ни имелось в виду под этим. Однако обоим пришлось заниматься не своим делом из-за непрерывного вмешательства в расследование некоего старшего инспектора, который, к счастью для Маклина, в данный момент здесь отсутствовал.

– Так чем твой рейд-то закончился? – продолжил Лэнгли с живым интересом в голосе.

Маклин чуть было не поверил, что ему ничего не успели доложить. Он пожал плечами:

– Пока еще неизвестно. Подождем, что скажут криминалисты. По результатам рейда им есть над чем поработать.

– О да, мне именно так и сообщили. – Лэнгли поскреб ногтем кончик носа, потом уставился на палец с таким видом, как будто решал, не облизать ли его. Впрочем, в результате ограничился тем, что вытер ноготь о пиджак. – Боссу, кстати, тоже. – Взгляд Лэнгли метнулся через плечо Маклина в сторону открытых дверей.

Маклин почувствовал, что температура в комнате упала на пару градусов. Гул голосов смолк.

– Черт побери, Маклин, где тебя носило? Мне делать больше нечего, как тебя искать!

Маклин повернулся, чтобы встретиться лицом к лицу с наименее симпатичным из своих сослуживцев, старшим ин-

спектором Чарльзом Дагвидом, более известным как Дэгвуд – так его называли за глаза, по имени персонажа комиксов. На этой неделе Дагвид носил коричневый костюм, если это слово можно было применить к изделию из дешевого полиэстера, вытертому на локтях и манжетах. Долговязый Дагвид больше напоминал школьного учителя, чем полицейского инспектора. Причем из той породы учителей, что не прочь поиздеваться над отстающими учениками и одним своим видом вызывают в школьниках неосознанный протест. Ключеватые рыжие с проседью волосы, бледная неровная кожа лица, впрочем, багровевшая от гнева по малейшему поводу и безо всякого повода, тощая неуклюжая фигура, огромные руки с длинными узловатыми пальцами – он напоминал Маглину орангутана, наряженного в пиджачную пару. Только орангутаны все-таки будут подружелибней.

Постарайся не горячиться. Хоть какое-то время.

– Разрешите напомнить, сэр, я вам докладывал, что хотел бы проверить сообщение моего информатора. Сами знаете, сколько мы сил уже положили, выслеживая эту шайку. Я решил не терять ни минуты, чтобы не дать им шанса опять уйти у нас из-под носа.

– Ну и как успехи? Надо полагать, наркоторговцы уже сидят по камерам и плантациям марихуаны в Эдинбурге положен конец? – издевательски оскалился Дагвид. – Ты ведь в инспекторах без году неделя, я ничего не путаю?

– Вообще-то, меня повысили почти год назад, и я не по-

нимаю, какое это имеет отношение...

– А такое, Маклин, что здесь есть люди, которые соображают в расследованиях чуть побольше твоего! Даже Лэнгли, и тот в свое время отправил за решетку дилера-другого. А не знаешь ли ты случайно, что самое важное в работе любой следственной группы, а? Тебя ничему такому не учили, а? – С каждым «а?» Дагвид делал шаг в сторону Маклина и наконец навис над ним, извлекая максимальное преимущество из своего роста. – А самое важное – и есть группа! – С этими словами Дагвид ткнул Маклина в грудь ногтем, облупленным и желтым от многолетнего контакта с сигаретами. – Группа! И если это действительно группа, никто в ней не отправляется в рейд с утра пораньше, не поставив остальных в известность? А ты что учинил? Похватал кого придется – и вперед, шашки наголо!

Маклин хотел возразить, даже открыл было рот, но тут же снова закрыл – его уколола мысль, что доля правды в словах старшего инспектора все же имелась. Другое дело, что и группу он не то чтобы совсем проигнорировал, поскольку инспектор Лэнгли тоже присутствовал на оперативке в шесть утра, перед самым рейдом. И было бы справедливо, если бы тот пришел сейчас ему на помощь, вместо того чтобы незаметно отступить к установленным посреди комнаты компьютерам и сделать вид, что бесполезная информация на мониторах внезапно очень его заинтересовала.

– Ну и какими результатами ты похвастаешься в качестве

оправдания? – полюбопытствовал Дагвид, нетерпеливо засунув руки в карманы. Почти сразу же он извлек оттуда мятное драже подозрительного желтоватого оттенка, стряхнул с него пару крошек (Маклин в глубине души понадеялся, что это всего лишь табак) и отправил в рот.

– На чердаке дома, на который указал информатор, мы обнаружили лампы и гидропонное оборудование, – ответил Маклин, после чего перешел к подробному докладу об утренних событиях.

Редкий случай, но Дагвид его не перебивал – вероятно, наслаждался своим мятно-табачным драже. Наконец он принялся ковыряться в зубах желтым ногтем, а потом еще какое-то время изучал то, что удалось извлечь изо рта, прежде чем резюмировать:

– Так, значит, сейчас наши криминалисты ковыряются в двух десятках мешков гнилого дерьма. И ты сам говоришь, что плантация давно заброшена.

– По крайней мере мы знаем, что наша шайка была там, – попытался улыбнуться Маклин.

– Да мы и так знаем, где она была! У нас, Маклин, десяток мест по всему городу, где они уже успели побывать! – Дагвид махнул своей лапищей в сторону полицейских за компьютерами, старательно молотящих по клавишам и близоручко вглядывающихся в мониторы. – Ты так можешь находить мне место за местом, где они были! А я хочу знать, где они сейчас!

– Я понимаю, сэр. Но...

– Да не желаю я ничего слышать! Уже наслушался! Можно подумать, мне мало этого чертова Лэнгли, который блеет над ухом весь день, как овца в течке. Я включил тебя в следственную группу по совету суперинтенданта Макинтайр, она почему-то решила, что от тебя будет толк. – Дагвид сморщился, как будто одной мысли о его непосредственной начальнице было достаточно, чтобы окончательно испортить ему настроение. – Может, ее твоя честная физиономия и впечатляет, но не меня!

– Если вы не нуждаетесь в моей помощи, сэр, то у меня и без вас хватает работы. Начать с того, что мы так и не успели выяснить, кто стоит за поджогами тех старинных зданий. – Маклин почувствовал в своем голосе нотки, больше подобающие дерзкому школьнику перед лицом учителя, но брать свои слова обратно было уже поздно.

Дагвид мгновенно ошетинился и побагровел, подобно потревоженному осьминогу:

– Ну и вали отсюда! – Он начал срываться на крик. – Давай, Маклин, лови своего несчастного поджигателя! А настоящую работу оставь тем, кто в ней хоть что-то понимает!

– Ничего себе! Да тут как в театре!

Он стоит в огромном вестибюле и смотрит, задрав голову, в широченный лестничный пролет, заканчивающийся окош-ком высоко вверх. Глядя с улицы, он решил, что это мно-гоквартирный дом, но похоже, что все здесь принадлежит единственному владельцу.

– Впечатляет поначалу, а, парень? – Инспектор Малкольм «Мак» Дуф выбирается из своего плаща.

Сержант Нидхэм плащ уже снял и бросил на потертый стул у дверей.

– Добро пожаловать в мое не сказать чтобы убогое жилище, – объявляет Нидхэм. – Жилище моего отца, если быть точным.

– Не знал, что патрульным сержантам столько платят.

– Не раскатывай губу, констебль, – хохочет Нидхэм. – Нет, конечно. Нидхэмы живут здесь с незапамятных времен. Пошли, устрою бесплатную экскурсию.

Дом чем-то похож на тот, в Брейд-Хиллз, где живет его бабушка, хотя, по правде сказать, бабушкин по сравнению с этим маловат. Но ощущение то же самое – дом, которому не хватает обитателей. Большинство комнат – пустые, хо-лодные, волглые. По-настоящему тепло лишь на кухне, там огромная плита и длинный стол из простого дерева. На кух-

не экскурсия и заканчивается – как и положено, чаепитием.

– Знаю, ты хочешь спросить, почему я привел тебя сюда. – Дуф усаживается во главе стола, хотя он и не у себя дома. – Просто у Ниди полно места, и ни детей, ни жены, никто не мешает. Сам знаешь, как оно бывает в управлении – такая кутерьма, что не слышишь своих собственных мыслей. Так что неофициально мы собираемся здесь.

– Для чего? – Он должен задать вопрос, хотя подозревает, что ответ ему уже известен.

– Чтобы вести расследование по делу Рождественского маньяка. – Глаза Нидхэма горят необычным огнем. – Мы охотимся за этим уродом восемь лет. То, как ты разобрался с делом Проберта, всех здорово впечатлило. А теперь попробуй-ка решить головоломку посерьезней.

За распахнутой дверью следственного отдела раздался взрыв хохота. Маклин, в чьих ушах до сих пор стоял звон от ругани Дагвида, замешкался на пороге. В разносе от начальства и так-то мало приятного, а тут еще осознание, что на этот раз ты действительно обделался и получил по заслугам. Да чего стоило одно только чувство, что старший инспектор в кои-то веки прав! Веселая компания Маклину сейчас определено была ни к чему. Вот только перспектива забиться в свой крошечный кабинет и копаться там в ведомостях сверхурочных и прочей ерунде, которую дежурный сержант счел возможным перепасовать самому молодому из инспекторов, была ничуть не лучше. Маклин глянул на часы – может, домой? Да нет, рановато, даже с учетом того, что на работу он сегодня пришел задолго до рассвета. Ну что ж, в конце концов у него еще куча толком не начатых следственных дел, тут-то он душой не кривил. А уж если начинать работу, так с архива – тем более что там ему о сегодняшнем фиаско никто не напомнит.

Уроdlивое здание полицейского управления проектировала целая комиссия, причем в семидесятые, когда в моде был бетон без излишних украшений. Но, как и большинство зданий Эдинбурга, оно было построено на старом фундаменте, в данном случае – оставшемся от полицейского участка

викторианских времен, так что подвальные помещения имели мало общего с самим зданием. Спустившись по каменным ступеням, истертым посередине башмаками бесчисленных правонарушителей, ты попадал в другой мир. Арки в проходах кирпичных стен, выкрашенных многими и многими слоями белой краски, идеальной формы – каменщикам прошлого явно было чем гордиться. Маленькие, без окон, комнатки когда-то служили одиночными камерами. По нынешним стандартам для задержанных они не годились, так что их отвели под архивные дела и вещественные доказательства. В одной из каморок разместился кабинет, из которого сержант Джон Нидхэм управлял своим подземным царством.

Маклин тихонько подошел к двери кабинета. Не то чтобы подкрался, просто само это место требовало тишины, как собор или склеп. Дверь была открыта, за ней горел свет и слышались звуки, которые мало с чем можно спутать – звуки, которые издает мужчина, изо всех сил старающийся не разрыдаться. Маклин осторожно заглянул внутрь и увидел спину сержанта – тот мелко трясся, уронив голову на стол.

– Ниди?

Всхлипы мгновенно прекратились, как будто щелкнули выключателем. Нидхэм повернулся к нему, массируя руками красные от слез глаза в попытке сфокусировать взгляд.

– Кто еще? Ах, это вы, сэр...

Маклин вспомнил, как совсем недавно справлялся о здоровье Нидхэма-старшего. Хоть это почти и не проявлялось

внешне, отец и сын были очень близки, как это бывает в семьях, лишенных женского тепла. Так что гадать не приходилось.

– Отец умер?

– Два часа назад. – Ниди шмыгнул носом, вытянул из кармана брюк измятый носовой платок, высморкался, потом уголком промокнул глаза. – Эх, бедолага. Его должны были оперировать, но когда хирург сделал разрез и увидел опухоль, сразу стало ясно, что уже поздно...

– Ниди, мне очень жаль. Честное слово, очень. Он был отличным полицейским.

– Это точно, отличным. Хотя иной раз – просто старым ворчуном. – Ниди безуспешно попытался улыбнуться и посмотрел куда-то через плечо Маклина, который тоже обернулся. Часы на стене показывали полшестого.

– Уже поздно, сэр, давайте займемся вашим делом.

Маклин смотрел на Нидхэма и вспоминал того сержанта, который то отдавал ему одно распоряжение за другим, то медленно и обстоятельно объяснял азы следственной работы много лет назад, когда Маклин только начинал. Ниди был хорошим следователем, вдумчивым и внимательным к мелочам. Кое-кто мог бы назвать такую внимательность маниакальной – но не Маклин. В некотором роде они были друзьями, пусть и не самыми близкими. А что требуется от друга в такой момент?

– Дело подождет, там ничего особо срочного. Давай-ка

лучше выберемся отсюда куда-нибудь. Может, пива выпьем? По-моему, нам обоим не помешало бы.

– Забавно, сэр. Я всегда думал, что вы предпочитаете нефильтованное.

Ниди ждал его в кабинке, словно позаимствованной из дешевого гангстерского фильма, сидя на обтянутой кожзамом скамейке и сложив руки на пластиковой поверхности столика «под дерево». Маклин поставил на столик два бокала сильногазированного пива – чуть ли не единственного бочкового, которое в этом заведении еще можно было пить, – и с трудом протиснулся на сиденье напротив.

– Больше ничего пристойного не нашлось.

Он пододвинул Ниди тот бокал, что почище. Хотя «почище» было громко сказано. Кроме близости к управлению, других достоинств за пабом не числилось. Ниди поднял бокал, подчеркнуто не обращая внимания на колечко засохшей грязи посередине.

– Светлая память Эстер Маклин!

– И Тому Нидхэму, – отозвался Маклин, поднимая свой бокал.

Они выпили, и за столом повисло гнетущее молчание. Первым нарушил его Ниди.

– А у вас это как долго было? Ну, у вашей бабушки... Понимаете, да? После того, как у нее...

– Ровно полтора года. Плюс-минус пару дней.

– Господи! И как вы столько продержались?

– Да сам не знаю, но как-то вот пришлось. А что еще оставалось?

– Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать. – Ниди отпил еще пива. – Только разве от этого легче? Смотреть, как кто-то рядом с тобой умирает, медленно и неотвратно.

На этот раз молчание продлилось еще дольше. Маклин попытался поскорее допить свой бокал, чтобы был повод сходить за другим, но быстро не получилось – в пиве было слишком много газа.

– Ты уже решил, что делать с наследством? – Дурацкий вопрос. Нет, конечно. Старый Нидхэм еще не остыл. Бабушка Маклина умерла полгода назад, и он до сих пор не мог заставить себя разобрать ее бумаги.

– Да Бог с вами! Как-нибудь, в более подходящий день...

Маклин снова поднял бокал:

– Предлагаю за это выпить!

Ниди отпил глоток и устало откинулся на стену.

– Знаете, а ведь всё почти как раньше. Мы вместе, в Богом забытом пабе, жалуемся друг другу на жизнь. Сюда бы еще Боба Лэрда и Мака Дуфа, и вся команда в сборе.

– Если хочешь, я позвоню Ворчуну. – Маклин вытащил из кармана мобильник. – Вот с Дуфом все не так просто...

– Я слышал, он в доме престарелых где-то на юге. Альцгеймер.

Еще одна долгая пауза в разговоре. Ниди изучал свой бо-

кал, нервно поглаживая его пальцами. И не поднял глаз, когда заговорил опять:

– Тони, я всегда хотел тебя спросить. Как ты это сделал? Как тебе удалось его найти?

Вот потому-то их команда и распалась. Маклину даже не нужно было уточнять, кого имел в виду Ниди. О Дональде Андерсоне, Рождественском маньяке, он не забывал почти никогда. Особенно если ночь выдавалась долгой, холодной и мрачной.

– Повезло, – усмехнулся Маклин; так мог бы усмехнуться человек, которому всадили нож под ребро. – Теперь это так называется. Сам не знаю, как меня занесло к нему в лавку. Вообще мало что помню из тех дней. Но он оставлял себе вещички на память, ты это и сам прекрасно знаешь. И у него оказалась тесьма от ее платья.

Ниди наконец поднял глаза, и Маклин, увидев в них неподдельное горе, понял, как много связывало сержанта с отцом. Сколько же лет прошло с тех пор, как он сам остался без родителей? Уже и не считаешь, да и слишком мал он тогда был, чтобы осознать потерю.

– И все равно не понимаю, как ты удержался. После того, что он тебе сделал. Черт побери, на твоём месте я бы просто забил его на хрен! – Ниди принялся разминать свои покрытые пигментными пятнами клешни. – Придушил бы прямо там, да и все.

Маклин протянул руку к бокалу и разом отхлебнул почти

все пиво, постаравшись не взболтать осадок на самом дне. Потом посмотрел на часы.

– Такая мысль меня тогда тоже посетила. И до сих пор иногда посещает. Знаешь, мне пора идти. Завтра в шесть надо делать доклад Дэгвуду, самое время отправиться домой и принять душ.

– Тоже верно. – Нидхэм поднял свой бокал и задумчиво покрутил, наблюдая за остатками пива. – А я, пожалуй, себе еще возьму. И пожевать чего-нибудь, чтобы не так противно было.

– Ты до дома-то доберешься?

– Не переживай, инспектор. Мы, Нидхэмы, живучие. Были, есть и будем.

Маклин шагнул наружу из затерянного в складках пространства-времени паба и снова оказался в своем измерении. Маслянистые лужи на тротуаре словно ежились от холода. Дождь кончился, но с моря дул ветерок, который даже не утруждал себя огибанием препятствий, а попросту пронзал их насквозь, прихватывая заодно и остатки тепла. Маклин втянул голову в плечи и поднял воротник – дорога домой была неблизкой. В такую погоду как-то сразу становилось ясно, зачем людям нужны автомобили. Настоящие автомобили, а не оставшаяся от бабушки раритетная «Альфа-Ромео». Сейчас было бы замечательно очутиться в теплом, сухом салоне. С другой стороны, поток машин полз даже медленней, чем

шел он сам. Потом, будь у него машина, ее было бы негде поставить – гараж в доме отсутствовал, а разрешение на уличную парковку ежегодно обходилось бы в кругленькую сумму. Вообще-то, именно для таких случаев придумали такси, но, как назло, Маклин не мог разглядеть в потоке ни одного. Так всегда и бывает, когда такси по-настоящему нужно.

В ладони, которую Маклин засунул поглубже в карман плаща, зазвонил и затрепыхался телефон. Маклин вытащил его наружу – увы, вместе с рукой – и уставился на экран. Звонили из управления, наверняка Дэгвуд приготовил для него очередную пакость.

– Тони? Ты дома?

Не Дэгвуд.

– Суперинтендант? Я не... я на улице, мэ. Мы... – Он никак не мог сообразить, с чего начать. От разговора с Ниди осталось впечатление, что в участке пока ничего не знают и что сержант предпочел бы, чтобы не знали и дальше. С другой стороны, от Джейн Макинтайр немного удастся скрыть. – Я решил – лучше всего будет пойти с Ниди в паб.

Молчание на другом конце – начальник управления сообщала, как надо понимать его заявление. К ее чести, разобралась она быстро.

– Вот черт. Представляю, каково ему сейчас.

– Он справится. Нидхэмов голыми руками не возьмешь.

– Тут ты прав. Только... – На другом конце снова замолкли.

– Только вы позвонили мне по другому поводу? – Маклин понял, что слухи о его утреннем фиаско дошли до самого верха. Без сомнения, приукрашенные Дэгвудом, чтобы выставить его даже большим идиотом, чем он сам о себе думал. Так что его ждет еще один разнос, но на этот раз – безукоризненный по форме.

– Ты прав, дело в другом. – Макинтайр опять замолчала, как будто подбирала подходящие слова.

Вот ведь черт, неужели он умудрился настолько напортачить?

– Я подумала, будет лучше, если я сама тебе сообщу. Пока ты не услышал от кого-то другого. Есть новости насчет Андерсона.

Маклина продрало морозом по коже, причем на этот раз не от ветра.

– Андерсона? Ему там часом не скостили срок за хорошее поведение?

– Не совсем, Тони. Мне только что позвонили из тюрьмы «Питерхэд». Насколько я поняла, его там пырнули ножом на кухне. Андерсон мертв.

– Мы живем, и вот смерть настигает нас. Кто нас утешит, кроме тебя, Господи, хоть ты и ведаешь за нами грехи наши...

Стоя в сторонке за несколькими рядами надгробий, Маклин рассматривал кучку людей, собравшихся под проливным дождем у открытой могилы. Резкий ноябрьский ветер, дувший с Северного моря, ворошил седые волосы священника, уткнувшегося взглядом в молитвенник. Двое полицейских переминались с ноги на ногу, словно чувствуя неловкость ситуации. Худенькая рыжеволосая женщина безуспешно пыталась укрыться под зонтом, ее серый брючный костюм уже потемнел от дождя. С краю топтались два хмурых мужика в грязных зеленых комбинезонах с эмблемами муниципалитета Абердина, всем своим видом намекая, что пора бы поторопиться. Семьи, разумеется, не было. И вообще, нельзя сказать, что проститься с покойным пришло много народу.

– Господь милостивый, Господь всемогущий, Господь милосердный и Спаситель наш, прости нам грехи наши и не свергни нас навеки в геенну огненную...

Маклин засунул руки поглубже в карманы плаща и ссутулился, пытаясь защититься от холода, проникающего до самых костей. Прямо над головой неслись тучи, так что слабенького северного солнца и видно-то не было. Мрачный вы-

дался денек. В полном соответствии с его настроением.

— Ты читаешь в сердцах наших, о Господи, не будь же глух к молитвам нашим. . .

Маклин перестал следить за словами священника и обвел взглядом кладбище. То тут, то там яркие пятна цветов, кое-где — фотографии в рамках. Гранитные плиты мокро отблескивали серым, цветом города, что их породил. Совсем редко среди однообразных надгробных камней попадалась фигура ангела. Какого черта он вообще здесь делает?

— Не дай нам в наш смертный час отпасть от тебя и избавь нас от мук смертных. . .

Муниципальные работники приподняли гроб на веревках, пинками вышибли подпорки и неловко грохнули его в яму. Никаких тебе, сукин сын, элегантных служащих похоронного бюро и бархатных канатов. Жри, что заслужил.

— С надеждой и верой в жизнь вечную, заповеданную нам Господом Иисусом Христом, мы отдаем в руки Господа душу брата нашего. . . — Священник прервал свой речитатив и начал листать молитвенник. Извлек клочок бумаги, близо-руко уставился на него, налетевший ветер вырвал бумажку из старческих пальцев и понес над кладбищем. — . . .брата нашего Дональда Андерсона, а тело его предаем земле, и да покоится оно в мире.

Когда священник споткнулся на имени Андерсона, Маклин не сдержал ухмылки, но и она быстро исчезла. Зрелище похорон не принесло ни радости, ни долгожданного покоя.

Он развернулся и зашагал к машине. Предстояла длинная обратная дорога в Эдинбург, так что ждать не имело смысла. Непохоже, чтобы в программе были еще и поминки.

– Могу я узнать, что привело вас на похороны Андерсона?

Женщина с зонтиком стояла в двух шагах от Маклина. Чуть пониже его ростом, бледное веснушчатое лицо. Прилипшие к голове коротко подстриженные мокрые волосы придавали ей сходство с эльфом.

– А вас?

– Детектив-сержант Ричи, полицейское управление Абердина. – Порывшись в холщовой сумке на плече, женщина вытащила удостоверение. Маклин на него даже не взглянул. Вообще-то, ему следовало позвонить в Абердин и сообщить о приезде. Только в этом случае они бы от него не отвязались, еще бы и в паб сейчас потащили, выпить за то, что Андерсон сдох.

– Маклин, Эдинбург.

– Далековато вас занесло, инспектор.

Она его знала. Не в лицо, но по имени.

– Хотел лично удостовериться, что мы навсегда избавились от Андерсона.

– Могу вас понять.

Двое полицейских проковыляли мимо, подняв воротники и поплотней закутавшись в свои желтые светоотражающие куртки. Священник хотел было что-то сказать присутствующим, но, не обнаружив таковых, тоже отправился сле-

дом. Миниатюрный бульдозер уже заваливал гроб жирной землей.

– Каким образом этот кусок дерьма вообще попал на подобное кладбище?

– Очевидно, кто-то оплатил участок. Поверенный из Эдинбурга все организовал. Похоже, у Андерсона водились деньги – участки тут недешевые.

– Кто его убил?

Ричи помедлила, прежде чем ответить. Маклин видел ее впервые и не был уверен, что означает выражение ее лица. Для сержанта она выглядела очень молодо, а с короткой стрижкой и в брючном костюме вообще больше походила на мальчишку. Но вопросительный взгляд Маклина она выдержала, ни его возраст, ни звание ее не смущали.

– Некий Гарри Рагг. Сокамерник Андерсона. Они оба дежурили по кухне, и Рагг всадил ему разделочный нож прямо в сердце.

– Да, мне так и сказали. Могу я с ним побеседовать?

Ричи убрала рукой мокрую прядь со лба.

– Можно будет спросить старшего инспектора Рейда, это его дело. Только я не думаю, что он захочет, чтобы с подследственным беседовали люди из другого управления. А о чем вы собирались спросить Рагга?

– Да ни о чем. Просто хотел сказать спасибо.

Звонок застал Маклина на мосту через Ферт-оф-Форт,

и он принялся лихорадочно нащупывать на телефоне нужную кнопку как раз в тот момент, когда неторопливый транспортный поток совсем остановился. Внезапными порывами налетал дождь, и тормозные огни машин впереди рассыпались злобными красными звездочками – добро пожаловать домой! Маклин прижал телефон к уху, надеясь, что поблизости не окажется транспортных полицейских. Только получить штраф в собственный выходной ему и не хватало.

– Маклин слушает.

– Уже вернулся из Абердина? – Дагвид не тратил время на условности.

– Я на мосту, сэр. Но...

– Отправляйся в Шинз. Очередной пожар.

Маклин хотел было возразить, что он сегодня не на службе, но Дагвид уже назвал адрес и дал отбой. Возражать, собственно, особого смысла не было. Это никогда не помогало.

По мере того как он продвигался к месту, пробки становились все плотнее: это отчаявшиеся офисные служащие пытались прорваться домой по непривычному маршруту. Полиция перекрыла всю улицу, так что хоть с парковкой проблемы не возникло, он просто бросил машину у кордона и последние двести метров прошел пешком. Между зданиями ползли клубы удушливого дыма, сверху черным снегом сыпался пепел. Пахло костром, словно в детстве. В темных тучах над головой отражались рыжие языки огня.

Пожар вспыхнул в здании старой фабрики, ей было не

меньше сотни лет, о чем свидетельствовали потемневшие от времени и грязи стены. Несколько месяцев назад на фасаде появились вывески, объявлявшие, что скоро здесь будут апартаменты. Почти сразу вслед за этим разразился финансовый кризис, так что с тех пор в здании ничего практически и не изменилось. То есть до нынешнего дня. На возгорание выехало шесть пожарных машин, две сейчас поливали водой соседние дома, чтобы и они не вспыхнули. Саму фабрику было уже не спасти. Пламя с ревом вырывалось из разбитых окон, прямо на глазах Маклина крыша выгнулась горбом и стала рушиться. Пожарные бросились врассыпную, полицейское оцепление отступило еще на несколько шагов, собравшиеся зеваки выдохнули в унисон.

– Понравились вам похороны, сэр? – Ворчун, зажав в обеих ладонях кружку с чаем, неторопливо подошел к Маклину, не обращая никакого внимания на хаос вокруг.

– Черт тебя побери, где ты умудрился добыть... – начал было Маклин, ткнув пальцем в дымящуюся кружку. – Хотя ладно, Боб. Просто доложи обстановку.

– Похоже, это по нашей части. Но ничего нельзя сказать наверняка, пока пожарные не потушат огонь и не составят предварительный рапорт.

– Только этого нам и не хватало!

– Точно. Здание, можно подумать, к осаде готовили. Окна нижнего этажа и все двери забраны стальными листами. Пожарные, которые первыми прибыли на вызов, минут два-

дцать не могли попасть внутрь. А потом уже поздно было.

Маклин смотрел на ревущее пламя, ощущая, как от старой кладки стен распространяется тепло. От этого тепла его начало клонить в сон, несмотря на шум и суматоху вокруг...

– Инспектор Маклин?

Кто-то слегка постучал его по плечу, Маклин обернулся и не сдержал проклятия. Джоан Далглиш, неопрятную коротышку в вытертом кожаном плаще, легко можно было принять за чью-то безобидную мамашу. Однако она обладала потрясающим журналистским чутьем, а газетенка, на которую Далглиш работала, не привыкла стесняться в выражениях. Особенно когда дело касалось полицейского управления Эдинбурга.

– Это уже девятый пожар на перестраиваемых объектах за последние два месяца. Когда вы собираетесь поймать поджигателя?

– Какого черта вы вообще здесь делаете? – Маклин искал взглядом ближайшего полицейского. – Эй, констебль!

– Да бросьте, инспектор. – Далглиш оглянулась через плечо на спешащего к ним констебля. – Всего пару слов, я много не прошу. Вы же не станете утверждать, что все эти пожары – лишь совпадения?

– Вы прекрасно знаете, что я не могу давать комментарии, пока пожарные дознаватели не закончили работу в здании.

– Но вы полагаете, между пожарами есть связь?

– На этой стадии расследования мы не исключаем никаких возможностей.

– Иными словами, вы понятия не имеете, что происходит? Этот вопрос Маклин проигнорировал:

– Констебль, проводите госпожу Далглиш за оцепление. И постарайтесь, чтобы больше никто сюда не проник. Здесь опасно, а нам не нужны жертвы.

– Мы могли бы помочь вам, инспектор. А вы отказываетесь от помощи, – пыталась протестовать журналистка, но констебль взял ее за плечо и повел прочь.

– Помощнички... – пробормотал Маклин ей вслед.

– А ведь в чем-то она права, – заметил Ворчун.

– Благодарю за поддержку, сержант, в ней-то я и нуждался. Так что у вас здесь происходит? Я имею в виду – помимо распивания чаев?

Ворчун проглотил остатки и поискал взглядом, куда поставить кружку:

– Я отправил констебля Макбрайда опрашивать зевак. Никогда не знаешь, а вдруг повезет? Потом, здание находится под прицелом нескольких камер видеонаблюдения. Мы изымаем записи, поглядим, нет ли на них кого-нибудь подозрительного.

Час за часом всматриваться в нерезкие изображения на экране, пытаясь определить, не мелькнет ли одно и то же лицо на нескольких пожарах. Та еще перспектива.

– Инспектор! Сэр!

Маклин обернулся и увидел, что к нему спешит Макбрайд, огибая брошенные автомобили и уклоняясь от столкновений с бродящими туда-сюда пожарными. В одной руке у него была рация, в другой – блокнот, лицо от возбуждения пошло пятнами. Но возможно, он просто торчал слишком близко к огню.

– Что у вас, констебль?

– Только что сообщили, что обнаружено тело!

Маклин потер уставшие глаза. Пожарные опять приблизились к горящему зданию, но он не заметил, чтобы кто-то из них входил внутрь.

– Здесь, на пожаре? Когда они успели?

После секундного замешательства Макбрайд махнул рацией:

– Нет, сэр, не здесь. К югу от города. Похоже на убийство.

– У меня выходной. Пусть дело отдадут кому-нибудь другому.

– У Дэгвуда сегодня важное общественное мероприятие. – Ворчун согнул ногу в колене и сделал вид, что закатывает штанину, имитируя масонский ритуал. – А Лэнгли и ребята из его отдела не горят желанием хвататься за дела до тех пор, пока в них не обнаружится явная связь с наркотиками.

– А Рэндалл?

– У него грипп.

– Черт бы их всех побрал! – Маклин мотнул головой в тщетной попытке стряхнуть усталость после долгого дня, ко-

торый прямо на глазах делался все длиннее и длиннее. — Докладывай подробности.

Макбрайд полез в блокнот.

— Это рядом с Глэдхаусом. Молодая женщина, голая, в воде. Если я правильно понял, сержант Томс сказал, что у нее горло перерезано.

Несмотря на жар от пламени, Маклина обдало пронизывающим холодом абердинского кладбища. Ворчун рядом с ним застыл на месте:

— Рождественский маньяк?

— Он мертв, Боб, — покачал головой Маклин. — Его зарыли в землю сегодня утром у меня на глазах. Это однозначно не он.

Вот только в глубине души он ни в чем не был уверен.

В воздухе над местом преступления висел яркий круг белого света, словно от летающей тарелки. Впрочем, с учетом времени года это могла быть вифлеемская звезда. Тогда Маклин был либо пастухом, либо волхвом, он пока не решил, кем именно. В любом случае усталость его была библейских масштабов. Выбираясь из машины, он едва подавил зевок и вдруг вспомнил, что срок проката заканчивается в семь вечера. Даже если он будет гнать как сумасшедший, опоздает минимум на час. Что ж, с ним это не впервые – берешь машину на день, а платить приходится за два.

У обочины уже выстроилась цепочка из полицейских машин и пары потрепанных белых фургонов. Это означало, что до хлопающей на ветру ленты, ограждающей место преступления, придется немного пройти пешком. Приблизившись, Маклин обнаружил, что расставленные криминалистами прожектора заливают светом участок почвы под насыпью. Крупные капли дождя сверкали на шипах кустов дрока и одна за другой срывались с голых черных веток кривых приземистых березок. Сквозь кусты бежала речка в бетонированном русле, шумная и полноводная после прошедших дождей. Маклин давненько не бывал в этих краях, но, если память ему не изменяла, речка была частью системы водохранилищ, питающих Эдинбург. Лучшего места для трупa и

не придумать!

– Прошу прощения, сэр, но сюда нельзя. Место преступления...

Маклин прервал заготовленную речь молодого полицейского, выросшего у него на пути, устало вытянув из кармана свое удостоверение. Формально эта территория относилась уже к местному полицейскому управлению, неудивительно, что парень его не узнал.

– Кто здесь главный? – спросил Маклин, как только констебль закончил извиняться.

– Сержант Прайс, сэр. Он там, внизу, с судмедэкспертом.

– Уже? Быстро же он приехал. – Маклин поднял глаза к машинам. Разумеется, с самого края из-за микроавтобуса торчала белая от соли фара темно-зеленого в разводах грязи «бентли», принадлежавшего Энгусу Кадволладеру.

– Может, и быстро, сэр, не уверен. Я сам здесь уже часа два с лишним. В полицию позвонили около четырех.

То есть намного раньше, чем Дэгвуд отправился на свое масонское собрание. Вот спасибо-то!

Продираясь сквозь кусты дрока и высокую, по колено, траву, Маклин промочил брюки и ботинки задолго до того, как добрался до бетонного берега. Кучка людей толпилась вокруг причудливого инженерного сооружения из складных лестниц, осветительных мачт и прочей ерунды. От горячих прожекторов поднимался пар, еще более усиливая сюрреалистический характер зрелища, будто перенесенного сюда из

адских глубин.

– Сержант Прайс?

Маклину пришлось подождать, пока крупный седовласый полицейский в форме медленно, стараясь не поскользнуться на влажном бетоне, развернулся в его сторону. Впрочем, Маклин его понимал и был не в претензии – до шумного, разбухшего от дождя потока внизу было метра три.

– Не иначе начальство наконец пожаловало? Самое время.

Это было единственным приветствием, на которое расщедрился сержант, если не считать чисто символического кивка. Маклин попытался не реагировать:

– У меня сегодня выходной, и я только что вернулся из Абердина. Смотрел, как зарывают сукина сына Андерсона. Так что давайте обойдемся без неформальной беседы, хорошо? Просто доложите обстановку.

Если даже Прайс и восхитился самопожертвованием Маклина, то ничем этого не проявил.

– Ее нашли два пацана, катались здесь на велосипедах, – сообщил он. – Какого хрена их вообще сюда занесло, можно только догадываться.

– Они здесь?

– Нет, они позвонили в полицию из Темпла, здесь мобильники не берут. Имена и адреса у меня записаны.

– Хорошо. Что с телом?

– Да сами и смотрите, – пожал плечами сержант. – Все,

так сказать, в вашем полном распоряжении.

Маклин медленно приблизился к обрыву, дав время двум криминалистам, державшим прожекторы, отступить в сторону. От бетонного края вниз, к наскоро собранной из подручного материала и закрепленной над потоком платформе, шла лестница. На платформе на коленях, словно кающиеся грешники, стояли двое. Маклин узнал лысую макушку городского судмедэксперта Энгуса Кадволладера и коротко остриженные черные волосы его ассистентки Трейси. Третья участница мизансцены была ему незнакома.

Похоже, ее принесло потоком и прижало к ржавой железной решетке, закрывающей туннель под насыпью. Широко раскинутые руки, ноги согнуты, как будто она позирует для высокохудожественной эротической фотографии. Кожа белая, словно фарфор, тут и там – пряди черно-зеленых водорослей. Маклин принял бы ее за спящую, если бы не уродливый красный рубец поперек горла.

– Тони. Господи, разве они не могли отправить сюда кого-то другого? – Энгус Кадволладер посмотрел на него снизу вверх, медленно и осторожно поднялся с колен, потом помог сделать то же самое ассистентке. Ступил на лесенку, и только выбравшись наверх, продолжил, удивленно задрав бровь: – Мне-то сказали, что ты в Абердине. А ты, оказывается, вот как неудачно подгадал.

– Я и был в Абердине, – ответил Маклин; такое чувство, что на пронизанном ветром кладбище он побывал лет сто

назад. – Ну, рассказывай, что у нас здесь.

Кадволладер стянул резиновую перчатку и пригладил ладонью мокрые волосы.

– Трудно сказать, откуда именно она сюда попала. Почти наверняка ее принесло потоком из какого-то места выше по течению. Тело очень чистое. Но в воде она пробыла недолго.

– Причина и время смерти?

– Ох, Тони. Каждый раз ты спрашиваешь, и каждый раз я отвечаю, что не знаю. Отвечу, но попозже. Очевидно, ей перерезали горло, но это могло произойти уже после смерти. Что касается времени – погода холодная, и она в воде. Но если тело не держали в холодильнике, то от двенадцати до двадцати четырех часов назад. Максимум – полтора дня.

– Синяки? Следы веревок или наручников?

– Тони, она в трех метрах под нами, в бетонированном русле, где два человека едва помещаются. Отвезем тело в морг, и тогда я скажу тебе, от чего бедняжка умерла. – Кадволладер похлопал Маклина по плечу мокрой ладонью. – Здесь мы больше ничего не найдем.

Кадволладер кивнул одному из криминалистов, и тот зашел за помощью. Следом за ним они поднялись через дрок к насыпи, и в этот момент снова налетел ливень. Судмедэксперт поспешил к машине, Трейси запрыгнула на переднее сиденье, даже не снимая белого комбинезона. Маклин торопливо влез на заднее.

– Тони, это не то же, что раньше, – сказал Кадволладер. –

Это – не жертва Рождественского маньяка!

– Ты уверен, Энгус? Выглядит слишком похоже.

– Я постараюсь не тянуть со вскрытием, но ты и сам знаешь, что я имею в виду. Он сидел за решеткой с самого начала тысячелетия. А теперь мертв. Это что-то другое. Кто-то другой.

Маклина передернуло, но он не был уверен, холод тому виной или что-то еще.

– Надеюсь, ты прав, Энгус.

Неровный шум мотора, работающего на холостых оборотах, и пар, поднимающийся спиралью во влажную тьму, выдавали местоположение полицейской машины, в которой отогревался сержант Прайс. Маклин постучал по затуманенному стеклу, и сержант опустил его с видимой неохотой.

– Вам сегодня повезло, – обрадовал его Маклин.

– Это еще как?

– А так, что мне нужно, чтобы дорога была перекрыта на полкилометра в каждую сторону. Как только рассветет, сюда прибудет поисковая группа – прочесать окрестности. В мое отсутствие никто не должен здесь сдвинуть ни одного камушка. Договорились?

– Так у меня смена через час кончается. И работы еще...

– Сержант, чтоб я этого больше не слышал. Мы расследуем убийство, так что поработаете сверхурочно. Я вернусь на рассвете и первое, что ожидаю увидеть, это вашу приветли-

вую улыбку.

Он бродит по улицам, едва отдавая себе в этом отчет, ноги сами несут его по маршруту, знакомому еще с патрульных времен. Размеренный ритм – шарканье кожаных подошв по асфальту – действует как анестетик, помогая приглушить мысли и чувства, готовые вновь нахлынуть при каждой паузе, на каждом углу. Но думать слишком больно, поэтому он идет и идет.

Что привело его сюда? Он и сам не знает. Причина должна быть, но если о ней задуматься, есть риск дать волю и другим мыслям. Лучше просто идти, куда несут ноги. Это букинистический магазин, здесь пахнет пылью, как в библиотеке. Узкие проходы между рядами, над головой нависают полки, уставленные бесчисленными шеренгами слов. Он ведет пальцем по неровным корешкам, продвигаясь к стойке продавца в глубине магазина. Он пришел сюда с определенной целью. Ему нужно что-то сказать продавцу.

За стойкой – никого. Валяются несколько потертых книжек в мягких обложках, каталог раскрыт посередине, видимо, хозяин записывал в него новые поступления, когда его отвлекли. Позади стойки – дверь в небольшой кабинет. Он проходит в дверь, не вполне понимая зачем.

В кабинете тоже никого нет. Пара конторских шкафов, на полке под окном, выходящим в неухоженный дворик за ма-

газином, — ряд книг. Большую часть кабинета занимает антикварный письменный стол. На столе — ничего, только лампа и большая старинная книга в кожаном переплете.

Заметив книгу, он почему-то вздрагивает. Он что, уже видел ее раньше? Он не знает и не хочет об этом задумываться. Думать слишком больно. Но книга не отпускает, тянет к себе, словно магнит, шепчет на ухо, приглашает открыть себя и начать читать.

Он протягивает руку к книге и в этот миг обращает внимание на закладку. Тонкая полоска ткани, вложенная между плотными пергаментными страницами, свисает с края стола подобно увядшему цветку. Рука сама тянется к закладке, зажимает между пальцами, выдергивает из книги. В тишине дальним-дальним эхом отдается полный гневного разочарования вопль, но он не обращает внимания. Во всем мире существует только эта полоска ткани, оторванная от платья оборка. Коснувшись, он ее узнал.

Он все узнал.

Маклин быстро шел через Северный мост по направлению к Принсес-стрит. Было раннее утро, и сплошной поток автобусов практически перекрыл все остальное движение. Из автобусов в утреннюю мглу вываливалась на тротуар самая первая волна пассажиров. Выдыхая клубы пара в холодный ноябрьский воздух, они не поднимали головы, чтобы случайно не встретиться взглядом с такими же, как и они сами, несчастными.

Интересно, что это такое – нормальная работа с восьми до четырех? Было бы неплохо иметь возможность устроить себе свободный вечерок, встретиться с друзьями. Впрочем, за отдельными исключениями, его друзья тоже были полицейскими, в крайнем случае – работали в тесном контакте с полицией, и в том же режиме.

Сосредоточенно прокладывая дорогу сквозь плотную толчею, он не сразу заметил человека впереди. Однако что-то в его росте и фигуре, в тонком завитке волос на макушке привлекло внимание Маклина. Он не мог сообразить, что именно вызвало острый приступ дискомфорта, а приблизиться не давала толпа. Наконец, сворачивая за угол отеля «Балморал», человек повернулся в профиль, и сердце Маклина пропустило один удар.

– Андерсон, – хрипло прошептал он, но никто вокруг не

обратил ни малейшего внимания. Его толкнули в плечо, и он сообразил, что застыл на месте. Колени Маклина подгибались, кровь грохотала в ушах, как грохотал бы под мостом скорый поезд из Лондона, если бы уснувший машинист на полном ходу пронесся через вокзал «Вэйверли». А невозможная фигура впереди все удалялась.

– Андерсон! – На этот раз он закричал, и крик вывел его из ступора. Наплевав на чувства утренних пассажиров, он продирался сквозь толпу, пытаясь сократить расстояние. Но человек, за которым он гнался, очевидно глухой или погруженный в собственные мысли, скрылся в направлении Принсес-стрит.

– Чего, совсем озверел? – Пешеход, мимо которого пытался протолкнуться Маклин, повернул к нему мгновенно побагровевшее от гнева лицо.

– Полиция! Прочь с дороги! – Маклин отшвырнул его в сторону, выбрался из толпы, перешел было на бег и тут же затормозил опять – на перекрестке скопилась очередная куча народу. Он притиснулся к самой стене отеля, продрался мимо старушки с сумкой из шотландки на колесиках, потом – мимо двух туристов, которые вертелись туда-сюда, пытаясь понять, из-за чего шум, так что их рюкзаки представляли собой смертельную опасность для окружающих. Наконец оказался за углом – сонные толпы поднимались там по ступенькам от вокзала и вливались в Принсес-стрит. Маклин шарил взглядом по головам в поисках человека, которого пресле-

довал. Дональда Андерсона нигде не было видно.

К тому моменту, когда Маклин наконец достиг своего крохотного кабинета в самом дальнем закутке управления – даже горячая вода до батарей туда едва добиралась, – он почти убедил себя в том, что это ошибка. Тот человек никак не мог быть Андерсоном. Маклин своими глазами видел, как гроб с его телом опустили в землю меньше суток назад. А чтобы в тюрьме «Питерхэд» с кем-то перепутали одного из самых знаменитых заключенных – и вовсе невысказуемо.

– Тони, с тобой все в порядке? Ты как с того света вернулся.

При звуке голоса Маклин дернулся, осознав, что сидит, уставившись в пространство. Стоявшая в дверях начальник управления Джейн Макинтайр выглядела будто только что из душа – чистые розовые щеки, влажные волосы, отутюженная, не успевшая еще измяться за долгие часы на службе униформа.

– Просто не выспался, мэм. Вечером выезжал туда, где нашли тело. Почерк преступника напоминает почерк Андерсона.

– Я уже слышала от Ворчуна. И как раз об этом и хотела поговорить. – Макинтайр поискала взглядом свободный стул и, не найдя, присела на край письменного стола.

У Маклина упало сердце.

– Вы хотите передать дело другому следователю?

– У меня была такая мысль. Честное слово, у тебя и так после смерти Андерсона достаточно забот.

– Мэм, при всем уважении – не вижу связи.

– Тони, давай-ка не притворяться. Мы оба знаем, что Андерсон тебе сделал, а теперь он снова будет во всех газетах, по меньшей мере ближайшую пару недель. Не пройдет и месяца, как появится новое издание книжки Джо Далглиш, даже не сомневайся. До сих пор ты мог думать, что прошлое позади и началась новая жизнь, но сейчас Андерсон станет мстить тебе своей смертью.

– Значит, вот оно как... И кому я должен передать дело? Не Дэгвуду? Или вы все-таки хотели бы, чтобы убийство было раскрыто?

– Да что за кошка между вами пробежала? Чарльз – опытный следователь, и раскрываемость у него прекрасная. И ты прав, он возглавит следственную группу. Но и тебя, Тони, я неплохо знаю. Так или иначе, ты будешь постоянно совать свой нос в расследование, пока всех не достанешь. А у нас нынче не наблюдается особого избытка детективов, так что непосредственное следствие все равно вести тебе. – Макинтайр усмехнулась, хотя, как показалось Маклину, говорила она достаточно серьезно. – Возвращаясь к нашим ограниченным кадрам – я разослала по другим управлениям запросы, нет ли там желающих сменить место службы на солнечный Эдинбург. Если будут заявления, не исключено, что нам удастся выбить еще пару ставок детективов-констеблей. А

если повезет, то и сержантскую.

– Помощь нам, прямо скажем, не помешала бы. – Маклин выразительно окинул взглядом свой стол, заваленный кучей папок с делами; одного этого ему бы хватило на несколько месяцев работы. Как ни прискорбно, город продолжал поставлять ему все новые и новые преступления, требующие раскрытия.

– Я знаю, Тони, что ты предпочитаешь работать с небольшой группой, но здесь особый случай, можно ожидать внимания прессы. И ты прав, почерк слишком напоминает Рождественского маньяка. Надо продемонстрировать, что мы делаем все, на что способны. – Макинтайр встала, разгладила несуществующие складки на костюме. – И мы оба помним, что тебе сделал Андерсон. Ты уверен, что готов снова ворошить прошлое?

Во взгляде начальницы читалось не то сочувствие, не то беспокойство – Маклин не мог определить наверняка. Но он не хотел ни того ни другого.

– Мэм, это не Андерсон. Он мертв. Его закопали в землю вчера у меня на глазах.

При свете раннего утра водохранилища Глэдхауса выглядели немногим лучше, чем вечером. Склоны холмов были присыпаны снежком, дул пронизывающий, как среди зимы, ветер. Маклин смотрел на кучку полицейских, которых ему удалось надергать из окрестных участков, и не замечал в них

особого энтузиазма. Впрочем, винить их не за что, шансы найти хоть что-то после вчерашнего ливня были ничтожны.

— Итак, дамы и господа, надеюсь, все понятно? — Ворчун отправил полицейских в разные стороны и сразу засунул руки поглубже в карманы пальто. — Ну и холодина же, сэр, черт бы ее побрал.

Маклин поежился в знак согласия.

— Давай-ка уйдем с ветра. — Он кивнул в сторону бетонированного русла. — Я бы начал с места, где нашли тело.

Здесь тоже мало что изменилось со вчерашнего вечера, если не считать отсутствия главного действующего лица, которое сейчас в морге дожидалось патологоанатома. Маклин спустился по импровизированной лесенке, сооруженной из всякого хлама, который для подобных случаев таскали в своем фургоне криминалисты, и осторожно ступил на платформу внизу. От ночного дождя поток вздулся и грозил вот-вот залить доски платформы вместе с ботинками Маклина, но он все же присел на корточки и попытался вызвать в памяти вчерашнюю сцену.

— Она была вот здесь, руки раскинуты... — начал он, потом сообразил, что рядом никого нет. Оглядевшись по сторонам, он наконец посмотрел вверх, где и обнаружился Боб, который с опаской взирал на него, твердо стоя на бетоне.

— Если вы, сэр, ждете, что я тоже туда полезу...

Маклин отрицательно помотал головой и тут же был вынужден ухватиться за лесенку — платформу под ногами силь-

но качнуло. Он подождал, пока тряска успокоится, глядя на волны, перекатывающиеся через доски, и вспоминая то, что видел вчера. Там, где лежало тело девушки, теперь с хлопотаньем устремлялись сквозь решетку в неведомые бездны потоки воды.

– Как вы думаете, сэр, не вызвать ли водолазов? – поинтересовался сверху Ворчун. – Может, там внизу что-нибудь застряло?

Маклин осмотрелся в последний раз и принялся карабкаться наверх.

– Нет смысла, Боб. Ее раздели до того, как бросить в воду. Даже если убийца что-то и обронил, оно уже доплыло до Ферт-оф-Форта. Разве что... – Он обвел взглядом местность – лес неподалеку, скрытую насыпью дорогу, кусты дрока. Потом он увидел мост.

– Разве что – что, сэр? – переспросил Боб, но Маклин уже сорвался с места, продираясь сквозь мокрые кусты, оскальзываясь на глинистом склоне насыпи. Болван! Водохранилище находится на той стороне дороги, значит, через речку должен быть мост. Как он до сих пор не сообразил?

Когда Ворчун наконец его догнал, Маклин уже был под мостом, балансируя на узенькой полоске бетона рядом с бурным потоком. Покопавшись в карманах, он достал фонарик, осветил узким лучом дальний берег, потом – бетон у себя под ногами и наконец сам поток.

– Черт, я уже мокрый как мышь. Какая муха вас укусила,

сэр? – Запыхавшийся Ворчун втиснулся рядом с ним, пригладил ладонью редеющие волосы, как если бы это помогло их просушить.

Маклин, не обращая на него внимания, вглядывался в какой-то предмет в бурлящей воде.

– Дай-ка руку, Боб. – Маклин зажал фонарик зубами и протянул руку сержанту. И тут же вытащил фонарик, чтобы добавить: – А другой рукой держись за что-нибудь, да покрепче!

Ледяная вода пропитала сразу потяжелевшие обшлага брюк, наполнила ботинки. Не обращая на это внимания, Маклин нагнулся так низко, как только хватило смелости, и сунул руку в поток. Пальцы мгновенно онемели, но бетон он пока еще мог нащупать. Потом – железное кольцо, ржавую, покрытую водорослями цепь, и наконец – белый предмет, который высветил луч его фонарика.

– Боб, у тебя карманный ножик с собой?

– Как обычно.

– Передай-ка его мне.

– Мне придется отпустить мост, сэр.

– Ничего страшного, Боб. Мост никуда не денется.

Ворчун что-то пробормотал, но Маклин не расслышал его слов за ревом потока. Наверху завозились, на мгновение сердце Маклина замерло – он был уверен, что сейчас полетит в воду вниз головой, – потом нож оказался в его ладони.

– Держи меня за пояс, мне нужны обе руки!

– Сэр, если вызвать водолазов, через полчаса они будут здесь, – начал Боб, но Маклин почувствовал, что его крепко держат за плащ. Он снова наклонился вперед, теперь обе его руки были под водой. Он не сразу нащупал то, что искал, еще какое-то время ушло, чтобы сделать разрез. Напор воды был такой, что он чуть не выпустил добычу из распухших от холода пальцев и был вынужден выдернуть ее наружу, как пойманную форель. От неожиданности Боб подался назад, и в тесноте под мостом оба приземлились на задницы.

– Блин, теперь еще и жопа мокрая! Ну и что там была за херня, сэр?

Маклин сидел на мокром бетоне, привалившись спиной к арке моста, и молчал. Только разглядывал полоску пластмассы, зажатую в руке. Чистую, новенькую, ни следа водорослей. Это была застежка для связывания в пучок толстых кабелей, больше всего напоминавшая пластиковый наручник – такие постепенно приходили на смену металлическим. Маклин протянул ее сержанту, чтобы он перестал ворчать.

– Бьюсь об заклад, с той стороны мы найдем еще одну, – сказал он после паузы, достав из мокрого кармана пакет для вещественных доказательств.

Ворчун, не двигаясь с места, опустил застежку в пакет и аккуратно запечатал его.

– Сэр, если вы не против, я звоню водолазам.

Маклин оставил Ворчуна руководить дальнейшими поисками и договорился, чтобы одна из патрульных машин подбросила его до города. Он попросил включить обогрев на полную мощность и направить на ноги, но когда его высадили рядом с управлением, ботинки все еще были мокрые. Маклин прохлюпал к своему кабинету, прикидывая по дороге, не удастся ли выкроить время, чтобы сбегать домой и переобуться. Вид свежей кипы документов, наваленных на столе, положил конец этим раздумьям.

Он пару раз стукнул кулаком по батарее в тщетной надежде, что хотя бы насильственным методом побудит ее к выполнению долга. Без сомнения, к лету батарея начнет жарить на всю катушку, но сейчас ее холодного спокойствия поколебать не удалось.

– Да и хрен с тобой! – Маклин протиснулся мимо стола и, рухнув в скрипучее кресло, принялся бегло просматривать бумаги – вдруг он их уже видел? Всякое ведь бывает. Сверху оказался отчет о вчерашнем пожаре, подготовленный Макбрайдом. К нему был прилеплен зеленый листок, сообщавший: «В розыске она не зн. Звонил докт. К. Вскр. в 4:30». После «4:30» было почему-то зачеркнутое «веч.», очевидно, констебль решил, что это лишняя информация. Маклин глянул на часы. Без четверти десять, и до вскрытия он уже ниче-

го, черт его возьми, не сможет сделать для мертвой девушки. Неизвестно, ни кто она, ни откуда, ни когда пропала. Вообще ничего. Если не считать ощущения под ложечкой, столь же ледяного, как и его ноги.

Маклин поднял трубку и набрал номер следственного отдела. Через восемь гудков он сдался, взял со стола отчет о пожаре и отправился искать кого-нибудь без помощи технических средств.

Детектив-констебль Питер Робертсон, только что прибывший из Файфа, не был расположен к праздной болтовне. Это Маклина вполне устраивало, хуже было, что констебль совсем не знал пригородов и спальных районов, примыкающих к Эдинбургу. По дороге на юг в Лоунхед – там располагался офис компании «Рэндольф Девелопментс», собственника стройки, где вчера вспыхнул пожар, – он несколько раз сбивался с дороги, и его приходилось направлять. Наконец они кое-как добрались до Бердихауса и нырнули под виадук.

– Это бандитские земли, констебль, – заметил Маклин, указывая водителю очередной поворот.

– Простите, сэр?

– Никогда не слышали о Пограничных Всадниках? Они когда-то промышляли в этих краях кражами скота и разбоем. За один косой взгляд могли глотку перерезать.

На лице Робертсона отразилось что-то не совсем понятное, но похожее на беспокойство. От дальнейшей неловко-

сти их спасло только то, что машина подъехала к «Рэндольф Девелопментс». Большой участок земли на отшибе, некогда – промышленная зона, был окружен забором из стальных прутьев, в глубине возвышалось огромное каменное здание старой постройки с вывеской «Кузнечные цеха Макмерри». Металла здесь не ковали уже лет с полсотни, вокруг здания теснились вагончики, ожидающие отправки на очередную стройку, тяжелая техника и штабеля бетонных блоков на поддонах. Сама же бывшая промзона потихоньку застраивалась современными офисами, небольшими производственными помещениями и даже жильем.

Штаб-квартира компании располагалась у самого края участка, рядом с воротами, через которые они въехали. Причудливая смесь стали со стеклом, в которой чувствовался недешевый архитектурный изыск, была с трех сторон окружена живописными прудиками и экзотическими растениями. Что ж, если эдинбургское экономическое чудо в последнее время и замедлило поступь, то явно не везде и не для всех.

Симпатичная девушка за стойкой в просторном вестибюле уточнила их имена и предложила кофе, пока они ждут. Однако не прошло и минуты, как в дальнем конце вестибюля с грохотом распахнулась дверь и оттуда появился крупный мужчина. На нем была рубашка в голубую полоску и красные подтяжки, но самым примечательным была не одежда, а то, как его тело равномерно сужалось кверху от чудовищных

размеров талии до плоской макушки. Маклину сразу вспомнился Шалтай-Болтай.

– Инспектор Маклин? Приветствую, я Уильям Рэндольф. – Мужчина протянул для рукопожатия неожиданно маленькую ладошку. – Пожалуйста, пройдемте в мой кабинет.

Они последовали за Рэндольфом через офис, где проектировщики за огромными плоскими компьютерными экранами создавали, вне всякого сомнения, облик будущего Эдинбурга. Большую часть отделенного стеклянной стеной пространства в задней части офиса занимал письменный стол. Рэндольф предложил им стулья, а сам прошел за стол и плюхнулся в кресло с высокой спинкой. Кожа заскрипела, пружины протестующе взвизгнули, на секунду Маклину почудилось, что толстяк сейчас грохнется на пол среди груды обломков.

– Я так понимаю, вы насчет вчерашнего пожара, – сразу, не дожидаясь вопросов, ухватил быка за рога Рэндольф. – Малоприятная история. Хорошо еще, что обошлось без пострадавших. Разве что бедолаги-соседи, которых выгнали из кроватей посреди ночи. Я поручил секретарше организовать для них хоть какую-нибудь компенсацию. Детям – рождественские подарки, взрослым – бутылочку-другую. Понимаете, о чем я?

– Очень благородно с вашей стороны, мистер Рэндольф.

– Да тут не в благородстве дело, это форма самозащиты,

инспектор. На наш проект по перестройке здания жаловались и без этого пожара.

– Жаловались? Вы не думаете, что кто-то из недовольных мог решиться на поджог?

На какую-то секунду Рэндольф изобразил на лице ужас, как будто бы до сих пор ничего подобного ему и в голову не приходило.

– Понятия не имею. Может, кто-то и мог. Вот только какой смысл? Спалив здание, его не сохранишь. Я видел повреждения, по правде говоря, теперь фабрику можно только снести. Начать с нуля.

– Именно это вы бы и предпочли сделать, мистер Рэндольф?

– А, вижу, к чему вы клоните. – Рэндольф снова выбрался из кресла, и Маклин явственно услышал облегченный вздох кожаной обивки – или ему показалось? Рэндольф сделал Маклину и Робертсону знак следовать за ним, выскочил из кабинета, куда они зашли всего минуту назад, и зашагал к дальнему концу офиса, где на нескольких столах были установлены тщательно выполненные макеты зданий, над которыми работала «Рэндольф Девелопментс».

– Наши нынешние проекты, – объявил Рэндольф. – Шесть – в Эдинбурге, по одному – в Пиблсе и Биггаре и три площадки в Глазго – в процессе разработки. Это если не считать кузнечного производства по соседству. На него у меня особые планы. Но вот это здание... – Рэндольф нагнулся над столом

и бережно снял крышу с макета фабричного здания, сгоревшего вчера вечером на глазах у Маклина. Взгляду открылись столь же тщательные макеты двух больших квартир. Ниже были еще два жилых этажа, а первый этаж занимали заботливо выполненные в миниатюре бассейн и спортзал. Маклин обратил внимание на усаженную деревьями парковку на заднем дворе, где стояли модельки «порше», БМВ и «мерседесов». Ни одной «Альфа-Ромео» он не заметил.

– Это наш флагманский проект, инспектор. Я заплатил два миллиона только за участок. Тот пентхаус, что позади, я собирался оставить себе под городскую квартиру. По-вашему, мне могло прийти в голову спалить такое здание, чтобы наткаться на его месте бетонных коробок?

– Я пока ничего об этом не знаю, мистер Рэндольф. Потому-то мы и здесь. Это вполне мог быть и случайный пожар, только за последние месяцы что-то многовато подобных случайностей. Включая две – на ваших объектах. Насколько я в курсе, строительный бизнес сейчас дышит на ладан. А страховка вряд ли помешает тому, кто испытывает проблемы с наличием.

– Понимаю, к чему вы клоните инспектор, но тут вы ошиблись. Да, здание было застраховано, и деньги эти нам отнюдь не мешают, врать не буду. Но у нас ведь не какая-нибудь шарашкина контора, мы специализируемся на элитной недвижимости. наших клиентов финансовый кризис не особенно затронул, и у «Рэндольф Девелопментс» тоже с фи-

нансами все в порядке. Готов показать бухгалтерскую отчетность, если хотите. – Рэндольф принялся не спеша собирать макет, ласково пройдясь миниатюрными пальчиками по квартире на верхнем этаже, ее стальному решетчатому балкону, выходящему на задний двор – оттуда, должно быть, виден холм Артура.

Маклину было совершенно очевидно, что поджигать свой собственный дом ради страховки Рэндольф не стал бы.

– А насколько далеко успели зайти работы? – спросил он Рэндольфа.

– Мы полностью провели подготовку, укрепили фундамент и стены, разобрались с водопроводом и канализацией. Думали уже снимать старые перекрытия. И очень жаль, что так и не успели.

– Почему, сэр? – вмешался Робертсон. Маклин заметил, что он что-то записывает в блокнот.

– Да потому что гореть было бы нечему. Остался бы бетонный пол первого этажа да каменные стены. А вот половицы и балки – это все хоть и старинное, но дерево.

– Больше там вчера ничего не было? – уточнил Маклин. Он вспомнил клубы дыма и яростное рыжее пламя. И все это – от половиц с балками?

– Абсолютно пусто. Я сам там все осматривал вчера днем, со мной была еще пара ребят. – Рэндольф махнул рукой в сторону двух молодых сотрудников, склонившихся над экранами, и повысил голос: – Пэт, Гэри! Насчет фабрики «Вудб-

эри». Когда мы были там вчера, оттуда ведь уже все вывезли?

Пэт – или, возможно, Гэри – оторвал взгляд от монитора и кивнул.

– Вот именно. Вчера утром туда должны были завезти кое-какое оборудование, но от подрядчика позвонили, что смогут только сегодня. Черт побери, надеюсь, хоть это-то отменить догадались? – Рэндольф вытащил телефон и принялся набирать номер.

– Кто-нибудь еще мог попасть вчера в здание? После того, как там побывали вы? – спросил Маклин.

– Только Джордж Макгрегор. Он вроде коменданта. Я так понимаю, он там работал, еще когда это была мебельная фабрика. Старик совсем выжил из ума, но на него можно положиться. Обожает рассказывать всяческие байки об этом здании – заслушаешься.

– Обязательно послушаю, – кивнул Маклин. – Только скажите, как нам его найти.

Джордж Макгрегор жил в крохотной полуподвальной квартирке неподалеку от сгоревшей «Вудбэри». Когда Робертсон постучал, он приотворил дверь, битый час разглядывал удостоверения обоих полицейских сквозь грязные, исцарапанные стекла очков и наконец с явной неохотой пропустил их внутрь. Через узкий коридор с низким потолком они проследовали за стариком до открытой двери. Единственным источником скудного освещения в гостиной оказалось давно не мытое окно, смотревшее прямо на серую бетонную стену; улицу сквозь него можно было разглядеть, только вывернув шею. С провода под потолком свисала лампочка без абажура, но старик не озаботился тем, чтобы ее включить. Он прошаркал через всю комнату, огибая стопки книг и заклеенные лентой картонные коробки, которыми был уставлен пол, и плюхнулся в старое, разболтанное кресло. Потертая обивка исторгла клубы пыли, в комнате запахло кошкой, которая, очевидно, некогда здесь жила.

– Ну, и что вам нужно? – Сесть Макгрегор им не предложил и, обведя взглядом комнату, Маклин сообразил, что сделать это было бы не так просто. Правда, в углу обнаружился диванчик, но весь заваленный стопками старых газет.

– Мы насчет вчерашнего пожара, – начал он. – Уильям Рэндольф сообщил мне, что вы – комендант здания фабрики-

ки.

– И что? Я ее не поджигал.

– Я и не говорил, что это были вы, мистер Макгрегор. Не вижу в этом никакой для вас выгоды. Я просто хотел выяснить, в котором часу вы вчера заперли фабрику...

– Она сама сожглась. Как и все остальные.

– Прошу прощения?

– Мне двенадцать было, когда я поступил на фабрику. Лучший день в моей жизни. Меня сам старик Вудбэри у входа встречал. Руку пожал и пропуск выдал. Шесть лет я ходил в подмастерьях. Шесть лет, вы хоть представляете? Тогда профессии еще было принято учиться. Не то что сейчас. Неудивительно, что страна катится в тартарары.

Маклин вздохнул. Разговор принимал слишком знакомый оборот.

– Мистер Макгрегор, вы ведь собирались сообщить, во сколько вчера заперли фабрику.

– Ничего подобного. Я что, похож на маразматика?

На этот вопрос Маклин предпочел не отвечать.

– Так во сколько?

– После четырех. Может, в полпятого.

– Почему так рано?

– После полудня никаких работ не было. Я б подольше остался, если бы привезли оборудование или еще чего. Только доставку перенесли на день.

– А когда уехал мистер Рэндольф?

– Может, в четыре или раньше. То есть если и раньше, то только чуть-чуть.

– И вы после этого не слишком задержались?

– Нет, конечно. Когда стемнеет, там не слишком уютно. Воспоминания. И тени.

– Тени?

– Ну да, тени. – Макгрегор вновь оседлал своего конька. – Знаете, что фабрику построили в 1842 году? А до того там стояло с десятков мастерских помельче. Здешним производствам уже лет пятьсот как минимум. Это место со своей историей. Земля насквозь потом пропитана.

– Так, по-вашему, сэр, здание поджег призрак? – В тоне констебля Робертсона не было ни грамма сарказма, но Маклин все же поморщился. Опыт общения со старикашками наподобие Макгрегора у него имелся, и он подсказывал другое направление беседы.

– Ты, сынок, вроде не совсем дурачок, а? Призраков не бывает. Хотя по телевизору тебе и не такое покажут. – Макгрегор кивнул на предмет, напоминавший деревянный ящик, к которому спереди зачем-то прилепили стеклянное блюдо. Конец шестидесятых, еще черно-белый, если Маклин не ошибался. Коллекционеры сейчас платят за такие приличные деньги. А старик, скорее всего, купил его еще новым.

– Но вы же сами сказали... – начал Робертсон, но Макгрегор гневно перебил его:

– Вот только не надо мне рассказывать, сынок, что я сам

сказал. Мне восемьдесят четыре года, и я больничного ни разу не брал, ясно тебе? Я на войне был!

– Прошу прощения, сэр, я не хотел вас обидеть. Мы просто стараемся разобраться...

– А ведь ты из Файфа, парень, а? По акценту чувствуется. С побережья, если меня слух не подводит.

– Да, сэр. Из Питтенвима.

– Моя Эсме была из Струтера, – сообщил Макгрегор. Выражение его лица изменилось, глаза за толстыми, заляпан-ными стеклами очков словно смотрели куда-то вдаль.

Как давно умерла его жена, спросил себя Маклин. И знают ли социальные службы о полубезумном старике, живущем в зарастающей грязию квартире?

– Мистер Макгрегор, – он присел на корточки посередине комнаты, чтобы их глаза были на одном уровне, – как, по-вашему, загорелась фабрика? Вы ушли последним. Могли вы оставить включенным свет или что-то в этом роде?

– Нет там никакого света. Проводку сняли неделю назад. Поэтому я и не хотел там оставаться после заката.

Маклин осторожно потянул носом воздух и сразу пожалел об этом. Квартирка пропиталась сложным букетом малоприятных ароматов – лучше не задаваться вопросом, каких именно, – однако табачного дыма среди них не было.

– Вы ведь не курите, мистер Макгрегор?

– Бросил, как Эсме умерла. Рак легких.

– Мне очень жаль, мистер Макгрегор. Как насчет мистера

Рэндольфа? Или электриков?

– На фабрике нельзя курить. Это ведь теперь стройплощадка, да? Запрещено законом. С неделю назад пожарник делал инспекцию, так и сказал.

– Значит, на фабрике не могло быть ни электричества, ни непотушенных окурков. – Маклин обернулся и посмотрел на Робертсона. Дело приобретало все более и более неприятные черты сходства с девятью другими, и шансы на его раскрытие становились столь же скромными. – Черт побери, как такое вообще может быть? Пожар в пустом здании, закрытом на замки, что твой банк, и без электричества?

– Я ж говорил уже, она сама сожглась! – Макгрегор вдруг наклонился вперед в продавленном кресле, сжав узловатыми руками выцветшие, драные подлокотники с такой неожиданной силой, что можно было подумать – его сейчас хватит удар. Сидевший на корточках Маклин непроизвольно отшатнулся и врезался спиной в картонный ящик, судя по звону, полный фарфоровой посуды.

– Боюсь, я вас не понял, мистер Макгрегор.

– Вот и я тоже боюсь. Вы, молодежь, все одинаковые. Ничего не знаете ни про свой город, ни про историю. История – это вам не короли с королевами, даты наизусть и все в этом дерьмовом духе. История – это люди, которые живут, работают и умирают. «Вудбэри» и была историей. Место, где рабочие вкалывали год за годом, столетие за столетием. Центр округа, как церковь или паб. Потом фабрику закрыли и пре-

вратили в склад. Тоже мало хорошего, но теперь еще и эта стройка! Квартиры для богачей, бассейн! Зараза, да разве фабрика такое стерпит? А как же все эти воспоминания – множество жизней, пот и кровь? Я чувствовал – что-то вот-вот произойдет. Когда мне сказали, что фабрика сгорела, я и не удивился. Она не хотела больше жить. И сожглась.

Когда десять минут спустя они наконец оказались снаружи, холодный воздух принес долгожданное облегчение. Робертсон направился к машине, но Маклин остановил его:

– Пусть пока постоит, констебль. Нам и так повезло, что удалось запарковаться в этом районе – можно считать, в лотерею выиграли.

– Разве мы не возвращаемся в управление? – выразительно посмотрел на часы Робертсон.

– Пока что нет. До «Вудбэри» здесь пешком несколько минут, есть смысл воспользоваться случаем и заглянуть. Узнаем, не успели ли пожарные дознаватели чего-нибудь найти.

Они подошли к выгоревшему остову здания. Временные светофоры вокруг из последних сил пытались справиться с пробкой – одну из полос целиком перекрыл большой фургон пожарных дознавателей, много места занимали и высокие металлические барьеры, установленные, чтобы убереечь идиотов от падающих кирпичей. Дорога, хоть и не главная, все же была оживленной. Теперь, скорее всего, она еще долго будет заблокирована. Судя по недовольным гудкам и раз-

литому в воздухе напряжению, водители не испытывали по этому поводу особого восторга.

Внутри фургона хранилась масса причудливого оборудования, но основной его функцией на данный момент был временный командный пункт. Может быть, задерганный пожарник и хотел встретить их улыбкой, но она больше походила на гримасу. Зажав телефон между ухом и неловко выгнутой плечом, он пытался найти нужный документ среди нескольких, что держал в руках.

– Да?

– Детектив-инспектор Маклин. – Маклин протянул удостоверение, но продолжать не стал.

– Вам к Джиму. Джим Барроуз, он внутри. Идите все время по дорожке, там его и найдете.

– Спасибо. – Маклин повернулся, но не успел открыть дверь, как пожарник прокричал ему вслед:

– Погодите-ка! Наденьте вот это. – Он протянул две строительные каски.

Маклин взял их, передал одну Робертсону.

– Правда, толку-то от них, – прибавил пожарник. – Если стена рухнет, каски вряд ли помогут.

Детективы в приличествующих случаю головных уборах прошли через главный вход здания и как будто оказались в фильме о Лондоне времен нацистских бомбардировок. Огонь потушили, но он мало что пощадил. Рассыпанные обломки большей частью состояли из битой черепицы, то тут,

то там валялся обугленный кусок половицы или стропила. Между кучами покрупней была расчищена извилистая тропинка, которая вела к середине огромного зала. Посмотрев наверх, Маклин увидел, как ветер несет у него над головой холодные серые тучи. На мгновение ему почудилось, что это не тучи, а сами голые, почерневшие стены вокруг него несутся вдаль с огромной скоростью. Он поспешно опустил взгляд и чуть пошатнулся, восстанавливая равновесие. Шедший впереди Робертсон, похоже, не обратил на это внимания.

В самом сердце здания они обнаружили двух пожарных дознавателей, которые что-то оживленно обсуждали над планом фабрики, устроившись на свободном от мусора пятачке. Один при их приближении поднял голову, прищурил глаза.

– Джим Барроуз? – спросил Маклин.

– Это я. А вы кто такие?

Маклин представился сам и представил Робертсона.

– Я только что разговаривал с комендантом. Решил по пути заглянуть сюда, узнать, как у вас дела. Понимаю, что пока еще рано чего-то ожидать.

– В общем, так оно и есть. Мы все еще пытаемся определить, где именно произошло это чертово возгорание. Я так думаю, где-то здесь, где мы сейчас стоим. Только это ничего толком не объясняет.

– В каком смысле?

– Ну, если смотреть на пол, здесь горело жарче всего. –

Барроуз указал рукой на обугленный, почерневший бетон. – Но, согласно плану, здесь ничего не было – ни столба, ни чего-то еще. Даже если строители оставили кучу досок, все здание целиком не могло от нее загореться.

– Следы бензина или чего-то в этом роде?

– Если что-то и было, то какой-нибудь необычный воспламенитель. Запах горевшего бензина всегда остается, даже после такого пожара... Эй, приятель, поосторожней! Не хватало, чтобы все это на тебя рухнуло!

Маклин обернулся в сторону, куда прокричал свое предупреждение Барроуз, и увидел Робертсона. Констебль с любопытством созерцал стропило, подобно коромыслу весов балансирующее на куче битой черепицы ростом с него самого. Потом раздался треск, и констебль исчез.

«27 января 2000 г. была перевернута последняя страница одной из самых мрачных глав эдинбургской истории. В этот день полиция обыскала дом и магазин торговца антикварными книгами Дональда Андерсона. Их привел туда не целеустремленный поиск, не дотошное следствие, а скорее слепая рука судьбы. По чистой случайности жертвой Андерсона стала невеста молодого детектива-констебля. По чистой случайности этот же констебль зашел в магазин Андерсона за книгой, а вместо этого нашел нечто, принадлежавшее его убитой невесте. Эта единственная простенькая улика, оборка от дешевого платья, смогла положить конец самому долгому розыску в истории Эдинбурга. Зайдя в подвал совершенно безобидной на вид книжной лавки, полиция раскрыла тайну Рождественского маньяка».

Неодобрительное цоканье языком возвращает его к реальности, и он замечает у стеллажа, стоящего на самом виду у входа в магазин, недовольного продавца. Он переводит взгляд на свои руки и понимает, что уронил книгу на пол.

Это следовало предвидеть. Какая-то часть его сознания так и поступила. Он дважды поменял номер телефона, пытаясь избавиться от шквала звонков, бесчисленных просьб об интервью и банальных вопросов о том, что он сейчас чувствует. Ничего он не чувствует. Все он чувствует.

А теперь – вот это.

На стеллаже – сотни экземпляров книги, и на каждой обложке – ненавистное лицо. В каждом окне книжного магазина – плакат в человеческий рост, и на нем – то же самое жуткое лицо. Дональд Андерсон знаменит; образ монстра, десять лет терроризировавшего зимние улицы Эдинбурга, обрел плоть и кровь. И бессмертие. Благодаря этой книге, которую он даже не в состоянии удержать в руках. «Рождественский маньяк» – спрашивайте в магазинах города! Реклама – на боках автобусов, курсирующих по Принсес-стрит, она бросается на зазевавшегося пешехода с бесчисленных заборов, автобусных остановок, газетных и журнальных обложек. Абсолютный бестселлер! Авторша выступает на собраниях, пожимает многочисленные руки, не вылезает из телевизора, гребет деньги лопатой. Джоан Далглиш повезло с Дональдом Андерсоном. Крупно повезло.

А вот семьям десяти жертв не повезло.

Он идет прочь от стеллажа и не видит, как продавец поднимает упавшую книгу, протирает рукой, будто некую драгоценность, и ставит обратно на полку. Он не замечает ничего вокруг, не видит возбужденной толпы, наслаждающейся описаниями сенсационных злодеяний. Все, что он видит, – как лопата швыряет холодную землю на деревянную крышку гроба под ледяным дождем.

– Какого черта ты вообще здесь делаешь? У тебя еще тело не опознано!

Суперинтендант Макинтайр стояла, уперев руки в боки и нагнув голову, и больше всего походила на жену рыбака, орущую на пьяного муженька. Все, что Маклин успел сделать при ее появлении, – это соскочить с неудобного пластикового стула в коридоре больницы – и она сразу же принялась задавать ему трепку.

– Вскрытие назначено на полпятого. – Маклин посмотрел на часы и неловко переступил с ноги на ногу, борясь с желанием шагнуть назад. Он прекрасно знал, что Макинтайр тут же сделала бы шаг вперед, и в конце концов приперла бы его к стене. – Похоже придется пропустить.

– Вот как? – вздернула брови Макинтайр. – Это еще почему? Можно подумать, от тебя здесь много пользы.

– Ну... я только... – Маклин умолк. Действительно, все, что он мог делать, – это сидеть в больничном коридоре, будто бы искупая вину за то, что его подчиненный чуть не погиб.

– Как там Робертсон? – Суперинтендант выпрямилась, сердитое выражение ее лица несколько смягчилось.

– Он сейчас в операционной. Врачи полагают, что у него сломан таз и поврежден позвоночник. Но спинной мозг не задет, они надеются, что он сможет ходить.

– Спасибо, Господи, и на том. Что вообще с ним, черт побери, случилось? – Макинтайр уселась на стул, разнос был окончен или как минимум отложен. Маклин сел рядом.

– Провалился сквозь пол. Вернее, пол обрушился под ним. Пожарный дознаватель сказал, что бетон снизу скорее всего совсем раскрошился от жары. Совершенно дурацкая история. Макгрегор нам говорил, что на месте фабрики раньше были мастерские, но вот этого погреба на плане как раз и не оказалось. Наверное, просто забыли нанести. Бедолага Питер, он ведь только начал у нас работать. Теперь его карьере конец, даже если он полностью восстановится, на это уйдут месяцы. Если не годы.

– С ним все будет в порядке, Тони. – Макинтайр похлопала его по руке – короткое, успокаивающее прикосновение. – Мы своих не бросаем.

– Черт, прошу прощенья, мэм. И как назло, людей лишних у нас тоже нет.

– Это верно. – Макинтайр задумалась на мгновение, что-то пришло ей в голову – по лицу скользнула полуулыбка. – Нам надо будет повесить кого-нибудь до детектива на временной основе. Как и тебя когда-то, если я все правильно помню. С тобой вроде бы получилось не так уж и плохо.

– Инспектор Маклин? – Перед ними остановилась женщина, как показалось Маклину, слишком молодая для врача, но в белом халате, со стетоскопом и усталым выражением на лице.

– Что нового? – вскочил на ноги Маклин.

– Мы только что закончили операцию. Он... короче, все могло быть гораздо хуже.

– Он будет ходить?

– Мы надеемся. Вокруг трещины в позвоночнике возникло воспаление, из-за этого спинной мозг сдавлен, но сам по себе он не поврежден. Наверняка мы будем знать, когда он придет в себя, но пока что он под наркозом.

– А когда будет известно?

– Завтра. Может быть.

– Прошу вас, доктор, держите меня в курсе. – Макинтайр тоже встала и протянула свою визитную карточку. Врач посмотрела на визитку, глаза ее расширились от удивления. – Здесь и рабочий телефон, и мой личный номер. Звоните в любое время, днем или ночью. Сразу, как только будут новости. – Она повернулась к Маклину: – А ты отправляйся в морг. Нам нужно опознать ту девушку. И как можно скорей.

– А, Тони. Я думал, ты уже не придешь. Тебе разве не передали?

Маклин дал двери небольшой комнаты для вскрытий хлопнуться за его спиной, стараясь не вдыхать разлитый в воздухе запах смерти. На другом конце комнаты Энгус Кадволадер по локоть погрузил руки в тело мертвой девушки. Его ассистентка Трейси – как всегда, словно тень рядом с ним – улыбнулась Маклину; она держала небольшой поднос

из нержавеющей стали, готовый принять очередной внутренний орган, уже не нужный прежней хозяйке. В метре от стола маячила хмурая фигура доктора Бэйрнсфазера – при судебном вскрытии требовался официальный свидетель.

– Я был уверен, что вы сможете начать без меня. – Маклин шагнул поближе, вглядываясь в лицо девушки – в первый раз с тех пор, как ее накрыли тканью на месте преступления. Совсем молодая, скорее всего, ей не было и двадцати. Длинные черные волосы, резко выдающиеся скулы, губы идеальной формы, чуть отливающие голубым на фоне алебастрово-белой кожи. Как может быть, что никто не заявил о ее исчезновении?

– Есть соображения по поводу того, кто она?

– Это ты мне должен сказать. Я привык считать, что такие вопросы – по твоему ведомству. – Кадволладер плюхнул на поднос печень или что-то вроде того, Трейси поставила поднос на весы и сделала запись у себя в тетрадке.

– А насчет причины смерти?

– На этот вопрос я готов ответить. Бедняжка умерла от потери крови, вызванной вот этим разрезом поперек горла. Разрез глубокий, лезвие дошло до кости. Смерть должна была наступить очень быстро.

– Хоть в этом ей повезло.

– В этом – да, но вообще я бы на твоём месте не торопился с выводами насчет везения. – Кадволладер приподнял руку девушки, повернув ее так, чтобы Маклин мог видеть

глубокие царапины и фиолетовые синяки вокруг запястья. – Довольно много времени перед смертью она провела скованной. По рукам и ногам.

– Мы обнаружили застёжки для кабелей. Под мостом, выше по течению от того места, где ее нашли.

Кадволладер нахмурился, подтянул поближе висящую над столом на шарнирах лампу и принялся разглядывать повреждения на коже.

– Застёжками ее, видимо, фиксировали уже после смерти. Прижизненные травмы, скорее всего, от наручников. – Он опустил мертвую руку и отошел на шаг от стола. – Желудок совершенно пуст, это означает, что она ничего не ела несколько дней. Неоднократно изнасилована. Подозреваю, совокупность событий должна тебе что-то напомнить.

– Похищена, содержалась в заточении сроком до недели, изнасилована, наконец – убита, горло перерезано острым ножом. Тело тщательно вымыто и оставлено под мостом в проточной воде. – Маклин слышал собственные слова, как будто их произносил кто-то другой. Сам он сейчас был далеко отсюда, там, где в ночном небе над головой взрывались фейерверки.

Телефон зазвонил через час, когда он шел пешком обратно к управлению. Тьма уже опустилась на город, и офисы извергали людей обратно на улицу. Он посмотрел, кто звонит, но увидел лишь незнакомый номер. Можно и ответить, по-

чему нет? Хуже сегодняшний день уже не будет.

– Алло.

– Инспектор Маклин? Это Джо Далглиш.

Маклин выругался сквозь зубы. Мерзавка завела себе новый номер. Телефоны большинства самых надоедливых репортеров были записаны в памяти мобильного Маклина, как раз для того, чтобы не отвечать на их звонки. Далглиш возглавляла список. Он собирался дать отбой, но не успел – журналистка продолжила:

– Тело в Глэдхаусе. Молодая женщина. Почерк убийцы напоминает о вашем старом знакомом, Дональде Андерсоне.

– До свиданья, миссис Далглиш. – Маклин опустил руку с телефоном и занес палец над кнопкой отбоя.

Жестяной голосок в трубке чуть слышно продолжал:

– Ее зовут Одри...

Маклин не расслышал остаток фразы, лихорадочно вздерживая трубку обратно к уху:

– Что вы сказали?

– А, я как раз надеялась, что вас это заинтересует. Она ведь до сих пор у вас значится как «неопознанная жертва женского пола», не так ли?

– Откуда вам, черт вас возьми, известно имя жертвы? Вы ведь даже не видели тела.

– В некотором смысле – видела. Ваш юный коллега, констебль Макбрайд, разослал компьютерный портрет во все газеты полчаса тому назад. Редактор переслал его мне на теле-

фон. По счастью, я не поленилась на него взглянуть.

– По счастью? – Сам Маклин подобрал бы другое определение. – Ну и кто она такая? Откуда вы ее знаете?

– Не торопитесь, инспектор. Вы же играли в детстве в эту игру? Девочки кое-что показывают мальчикам, мальчики взамен кое-что показывают девочкам. Я хочу уточнить, что мне причитается за информацию?

Маклин непроизвольно вздрогнул. У него никогда не возникало ни малейшего желания видеть «кое-что» и вообще что бы то ни было у Джоан Далглиш, если оно не скрыто под старым плащом.

– Миссис Далглиш, вы хотите, чтобы я напомнил вам, что речь идет о расследовании убийства?

– Прошу вас, зовите меня Джо. И я просто пошутила. Эта девушка – бродяжка, без определенного места жительства. Поэтому ее никто и не объявлял в розыск. Во всяком случае – здесь, в Эдинбурге.

Маклин вызвал в памяти картину тела в воде, потом – вскрытия, где он только что присутствовал. Девушка безусловно была худой, но не истощенной. И вполне здоровой, как сообщил Энкус. Если, конечно, не считать отсутствия крови. И жизни.

– Вы уверены? – переспросил он. – Я только что со вскрытия, никаких признаков наркомании не было обнаружено.

– И не должно было. Если Одри что и позволяла себе по этой части, то лишь затяжку-другую. Она не от тяжелой жиз-

ни попала на улицу, напротив, это был ее осознанный выбор. Одри мне говорила, что когда-нибудь напишет об этом книгу.

– Говорила вам? Когда вы в последний раз ее видели?

– С неделю назад. Во вторник должны были снова встретиться, но она не пришла.

– И вы не стали объявлять ее в розыск?

– С какого перепугу? – рассмеялась Далглиш. – Если каждый раз, когда мой источник не явится на встречу, я буду звонить в полицию, вам работать станет некогда.

Маклин обнаружил, что давно стоит на месте.

– Слушайте, а по какому поводу вы вообще встречались с этой Одри?..

– Карпентер. Ее звали Одри Карпентер. Я собиралась писать о ней очерк для воскресного приложения. Думаю, что еще напишу, хотя, конечно, теперь под другим углом зрения. Можно будет побольше рассказать о ее прошлом. Видите ли, Карпентер – это не ее настоящая фамилия. Так звали ее мать. Одри поменяла фамилию, чтобы скрыться от папашки.

– Это может представлять интерес для расследования? – Маклин неловко попытался вытащить блокнот, уронил его в водосточную канаву и только тогда понял, что все равно вряд ли смог бы что-либо записать.

– Такое имя – Джим Макдугал – вам о чем-нибудь говорит?

– «Бритва» Макдугал?

– Он самый. В свободное от строительства криминальной империи в Глазго время он женился на подружке детства, Дженни Карпентер. Родилась дочка, Вайолет Одри. Ну и похоже, что старине Джиму слишком нравилось держать Одри у себя на коленках, если вы понимаете, о чем я. Пару лет назад она сбежала. И с тех пор жила в сквотах.

– Вот дерьмо! – Маклин принялся тереть лоб свободной рукой. Только криминального авторитета из Глазго в расследовании и не хватало! С другой стороны, здесь просматривался возможный мотив, а идентификация жертвы в любом случае на пользу делу.

– Послушайте, миссис Далглиш, вам надо явиться в управление полиции и дать показания. Любая информация о местонахождении Одри за последнее время может помочь нам найти убийцу.

– Надо – значит надо, но придется подождать до завтра. Мой поезд только что прибыл в Данди.

– В Данди? Что вы там делаете?

– А вот это уже мое дело, инспектор. Но раз уж я дала вам полезную информацию, может, и вы ответите на несколько вопросов?

– Каких именно?

– Следствие ведете вы лично?

Маклин подтвердил, что на данный момент это действительно так.

– Говорят, что почерк убийцы – один в один как у Рожде-

ственского маньяка. Это правда?

– Я не могу ответить на этот вопрос. Мне как минимум нужно знать, кто и что говорит.

– Бросьте, инспектор. Уж вы-то не могли не заметить сходства.

– На данной стадии мы не исключаем никаких возможностей. И стараемся не делать поспешных выводов.

– Значит, вы не исключаете и того, что Рождественский маньяк вернулся? И что, соответственно, это был не Андерсон?

– Вы отрицаете, что похитили и убили Керсти Саммерс, однако полиция обнаружила в вашем подвале улики, свидетельствующие, что ее насильно там удерживали. И что она была там убита.

Он сидит на балконе, глядя вниз, на пожилого человека на скамье подсудимых. Седые волосы обвиняемого выбриты почти наголо, подобно монашеской тонзуре; твидовый костюм элегантно облегает худую фигуру; очки в роговой оправе сидят на самом кончике острого носа; крошечные темные глазки внимательно смотрят на адвоката. Он должен пылать ненавистью к Дональду Андерсону, должен сгорать от еле сдерживаемого желания спрыгнуть с балкона, перескочить через невысокий барьер и голыми руками задушить злодея. Но он не чувствует ничего, кроме бессилия и отчаяния. Он не сможет ее вернуть, и никакой суд не отменит того, что случилось.

– Я не убивал ее. – В голосе Андерсона – спокойствие. Терпеливый тон школьного учителя, привыкшего год за годом разъяснять премудрости существам заметно ниже его по интеллекту. – Возможно, мое тело и совершило все эти ужасные поступки, но я им не управлял. Управляла книга. Это она заставила меня ее убить.

– Вы говорите о так называемой «Либер Анимарум», куп-

ленной вами на распродаже? – Адвокат демонстративно сверяется со своими записями. – О «Книге душ»?

– Именно так. – Улыбка Андерсона похожа на щель в адских вратах.

– И та же самая книга заставила вас похитить и убить остальных женщин? Лору Фентон, Диану Киннейр, Розу Бакли, Джосс Эванс? Получается, книга была у вас давно, мистер Андерсон?

– Нет-нет. Я не убивал их. Это книга. Понимаете, она полностью управляет тобой. Ей нужно питаться.

– Питаться?

– Их душами, сэр. Ей нужно питаться. Она питается душами.

Джим Макдугал, больше известный под именем «Бритва», проживал в половине сдвоенного дома, некогда построенного на городские средства в сравнительно благополучной части печально знаменитого района Кэлтон – иными словами, на самой его границе, уже и не совсем в Кэлтоне. Было видно, что эту местность пытались облагородить, но в целом она оставалось той же клоакой, где разворачивались знаменитые бандитские войны шестидесятых-семидесятых. Правда, преступность с тех пор стала более утонченной – проститутки теперь говорили с восточноевропейским акцентом, а наркотики поступали в красочно оформленной упаковке. Впрочем, заправлявшие всем этим бандиты ничуть не изменились.

Маклин сидел на водительском месте полицейской машины без опознавательных знаков, радуясь, что ему досталась относительно старая модель, вряд ли представлявшая интерес для угонщиков. На соседнем сиденье констебль Макбрайд теребил обшлага своего излишне броского костюма. Он явно еще не успел привыкнуть к штатской одежде, так что беспокоиться, что кто-то не признает в нем полицейского, особо не приходилось.

– Ты ведь позвонил в местное управление и сообщил, что нам для поддержки нужен кто-то, разбирающийся в здешних

делах, я правильно понял? – Маклин вглядывался в грязное ветровое стекло, пытаясь высмотреть что-нибудь, хоть отдаленно напоминающее патрульную машину.

– Так точно, сэр. Я разговаривал с детективом-сержантом Кумбсом. Сказал, что мы подъедем к шести. Он обещал, что нас встретят.

Маклин посмотрел на приборную панель. Полседьмого, и они торчат здесь уже сорок минут.

– Связаться с ними еще раз? – Макбрайд потянул из кармана громоздкую рацию.

– Не нужно. У меня найдутся дела поважнее, чем ждать, пока какой-то местный придурок соблаговолит приподнять задницу. Пошли. Чем быстрее закончим, тем лучше.

Дверь распахнулась, едва Макбрайд успел постучать. Открывший выглядел так, что, пожалуй, прошел бы в эту дверь только боком. Широченный торс, предплечья толще, чем бицепсы бодибилдера, и как минимум два метра ростом.

– Вы мистер Макдугал? – спросил мужчину Макбрайд. Маклин не решился его поправить.

– Сами вы кто такие, мать вашу?

– Детектив-инспектор Маклин, управление Эдинбурга, – раскрыл перед ним удостоверение Маклин. – А это – детектив-констебль Макбрайд.

– То-то я чую, легавыми пахнет. Какого черта вы здесь высматриваете уже битый час?

– Мы ждали наших коллег из Глазго, но, похоже, они за-

держиваются. Послушайте, наш визит – не то, что вы думаете. Это насчет дочери мистера Макдугала, Одри.

Из коридора за спиной громалы раздался вскрик – так мог бы кричать небольшой зверек, с которого живьем сдирают шкуру. Телохранителя оттолкнули в сторону, и наружу выскочила худощавая, бледная женщина.

– Моя Одри! Вы нашли ее? Она... она... – Дженни Макдугал попеременно заглядывала в глаза Макбрайду и Маклину, заломив руки, как в молитве, но не могла больше произнести ни слова. Телохранитель неожиданно мягко взял ее за плечо и снова увлек внутрь.

– Раз так, то заходите.

– Прошу простить мою жену. Эти два года нелегко ей дались.

«Бритва» Макдугал выглядел мельче, чем можно было судить по архивной фотографии, да и по репутации тоже. Впрочем, вероятно, он просто окружил себя такими горами мускулов, что нормальный человек рядом с ними казался карликом. Помимо тяжеловеса, встретившего их в дверях, внутри обнаружилось еще трое аналогичного размера. Окажется, Макдугал занимал весь сдвоенный дом целиком, в капитальной стене были пробиты двери. Стены обширной гостиной, в которую их провели, были увешаны профессионально выполненными фотографиями женщины редкостной красоты, так что Маклин не мог не согласиться – мис-

сис Макдугал тяжело пережила исчезновение дочери. В глаза бросалось и несомненное сходство между дочерью и матерью, и от этого было ничуть не легче.

– Мне очень жаль, сэр, мэм, – Маклин слегка поклонился в сторону Дженни Макдугал, свернувшейся в огромном кресле почти что в позе эмбриона. – Честное слово, мне непросто даются эти слова, но у нас есть основания полагать, что ваша дочь мертва. И что обстоятельства ее смерти требуют расследования.

– Ты сюда пришел со мной шутки шутить, инспектор Маклин? Вот только мне ни хрена не смешно. – Низкий, утробный голос Макдугала напомнил Маклину о происхождении клички «Бритва».

– Уверю вас, сэр, нам не до шуток.

– Вы хотите сказать, Вайолет... убита?

Вопрос выбил Маклина из колеи, как непривычным именем убитой девушки, так и тем, что его задала Дженни Макдугал. Ее лицо было белым как бумага, что еще больше усилило сходство с Одри на столе патологоанатома. Маклин кивнул Макбрайду:

– Фотографии, констебль, будьте добры.

Глянцевые снимки в полный лист, отпечатанные всего несколько часов назад. Сделать вид, что лицо на фотографиях принадлежит живому человеку, вряд ли удалось, хотя и видно, что фотограф старался.

– Эту молодую женщину нашли в канале рядом с водохра-

нилищем Глэдхаус в понедельник вечером. — Маклин протянул фотографии Макдугалу, стараясь не замечать, как трясутся руки гангстера, и избегая смотреть ему в глаза. Тот изучал их не более секунды, потом уронил на пол, закрыл лицо ладонями, запустил пальцы в топорщащиеся седоватые волосы.

— В воде, говоришь. Она утонула?

— Нет, сэр. Она оказалась в воде уже мертвой.

В следующее мгновение Макдугал вскочил на ноги, и маленьким он больше не выглядел. Его лицо побагровело от гнева, вены под кожей вздулись, глаза выкатились. Он оказался слишком близко. Маклин чувствовал на лице дыхание гангстера, но не отступил ни на шаг. Из ситуации было два выхода, и один из них точно не сулил ничего хорошего.

— Что ты хочешь этим сказать, инспектор? Ее убили?

Маклин хотел ответить, но с пола раздался жуткий вой. Он опустил взгляд и увидел распростертую на ковре Дженни Макдугал, которая хваталась за разбросанные фотографии, издавая бессвязные крики. Он наклонился, чтобы помочь женщине, но Макдугал грубо оттолкнул его, нагнулся, поднял жену на ноги.

— Уведи ее, — приказал он телохранителю.

Дженни выволокли из гостиной, она вырывалась и пыталась драться, но безуспешно — ее силы были подточены двумя годами переживаний.

— Черт побери, ну и крепкое у тебя очко. — Макдугал рас-

хаживал взад-вперед, сжимая и разжимая огромные кулаки. – Как ты вообще додумался сюда явиться вот с этим? – Он махнул рукой в сторону измятых фотографий.

– Насколько я понимаю, это ваша дочь, мистер Макдугал?

– Да, это она. – В первый раз за все время в голосе Макдугала прозвучало неподдельное горе, а на глаза навернулись слезы. Громко шмыгнув, он вытер их рукавом. – Так что с ней случилось? И где вы до сих пор шлелись столько времени?

– Ее нашли обнаженной, без каких-либо документов. В эдинбургской базе розыскных данных ее не оказалось. Я прошу прощения за то, что они сразу не проверили другие города. Мы узнали ее имя, только разослав ориентировку. Она называла себя Одри Карпентер.

Видно было, что Макдугал его не особо слушает. Он отошел к серванту и налил себе полный стакан виски из кричаще-безвкусного хрустального графина. Интересно, почему бандиты всегда переливают виски в графин? Вероятно, не хотят афишировать, что пьют всякую дешевку.

– Одри жила в одном из сквотов Эдинбурга, – продолжил Маклин. – Репортер из «Скотсмэна» хотела взять у нее интервью, в основном – о том, как живет бездомным, насколько я понял.

Бандит или не бандит, но болваном Макдугал точно не был. В два шага он оказался лицом к лицу с Маклином, уставившись на него бешеными глазами:

– Кто? Что за репортер? Мне нужно имя!

– Вы сами понимаете, что я не могу его назвать, сэр. Но я могу передать, что вы хотели бы с ней встретиться.

– Инспектор, не гони пургу. Имя! – Макдугал ткнул в грудь Маклина коротеньким пальцем. Виски в стакане, зажатом в другой его руке, всплеснулся, и в нос инспектору пахнуло торфяным ароматом, безошибочно выдававшим односолодовый с острова Айлэй. Теория насчет графинов пошла прахом.

– Когда вы в последний раз видели дочь, мистер Макдугал?

На секунду вопрос повис в воздухе, эхо его звучало в тишине, а лицо Макдугала стремительно темнело. Потом он махнул рукой в сторону двери и взревел, словно раненый медведь:

– А ну пошел вон отсюда!

Маклин еще какое-то время смотрел в глаза гангстеру, потом коротко кивнул.

– Констебль! – скомандовал он, не оборачиваясь.

Макбрайд испуганным мышонком прошелестел к выходу.

– Мы еще побеседуем, мистер Макдугал, – заключил Маклин и тоже неторопливо зашагал к дверям.

– Я бы на вашем месте сейчас особо не высовывался, сэр, – подмигнул из-за стеклянного барьера дежурный сержант, открывая Маклину турникет. – Вас искал старина Дэгвуд, и не

похоже, чтобы хотел вручить медаль.

– Что я опять такого натворил, Пит?

– Понятия не имею, но он кидается на каждого, кто попадется под руку. Похоже, сильно не в настроении.

– Обычное дело. Не знаешь, где он сейчас? Я тогда пока побуду где-нибудь еще.

– Не в курсе, сэр. Да вы просто прислушивайтесь к тому, что творится вокруг, и все будет в порядке.

Насчет этого у Маклина имелись сомнения. Когда он спустился вниз, в недра управления, встречные сотрудники косились на него как на прокаженного. В следственном отделе никого не было, если не считать одинокой фигуры, развалившейся на стуле и задравшей ноги на стол. Маклин почувствовал укол ностальгии. Он переместился в свою собачью конуру, по недоразумению называемую кабинетом инспектора, всего несколько месяцев назад, и уже начал скучать по прежнему месту.

– Решил поработать вечером, Боб? – поинтересовался он.

Детектив-сержант Лэрд образцово исполнил пантомиму «человек, пробуждающийся от глубокого сна», чуть было не сверзившись при этом со стула.

– Зараза, ох и напугали вы меня, сэр. Дэгвуда уже видели?

– Еще нет, и думаю, чем позже увижу, тем лучше. Не в курсе, зачем я ему?

– Нет, но кое-что подсказать могу. Похоже, что-то нару-

шило его безмятежное счастье.

– Сейчас умру от жалости. Отчет патологоанатома по Одри Карпентер мы уже получили?

– По кому? – На лице Ворчуна изобразилось крайнее замешательство.

– Мертвая девушка из Глэдхауса. Одри Карпентер. Если предпочитаешь – Вайолет Одри Макдугал.

– Я не слышал, что ее уже опознали. Давно это случилось? Маклин плюхнулся на стул.

– Сразу после вскрытия. И опознала не кто иная, как Джо Далглиш. Хотя я и предпочел бы не быть у нее в долгу.

– Дэгвуд в курсе?

– Должен быть в курсе, я оставил сообщение на автоответчике и рапорт – у него на столе. Я думал, он и тебе передаст. – В этот момент куски головоломки начали складываться. – Вот параша! Он не заходил в кабинет и не слушал автоответчик, а?

– Хотите, чтобы я угадал? Думаю, что нет. И поэтому он сейчас на тропе войны.

– Тогда я лучше пойду разыщу его, пока он не сотворил какую-нибудь совсем уж выдающуюся глупость. А ты пока что займись делом. Собери следственную группу, подготовь оперативный штаб.

– Ну, со штабом-то придется того, – заметил Ворчун, и, поразмыслив, добавил: – Сэр.

– Что? В управлении нет свободных комнат?

– Ни одной.

– Как насчет того закутка, где мы работали по делу Смита?

– Туда въехали компьютерщики, пока в подвале в очередной раз делают гидроизоляцию.

– А на втором этаже?

– Там отдел по борьбе с наркотиками.

– Замечательно, мать его! Как такое может быть, что одновременно не хватает ни людей, ни комнат? Помолчи, Боб, не отвечай. Просто постарайся организовать нам штаб. А я пойду выяснять, какая муха укусила Дэгвуда, а потом, скорее всего, мне понадобится чего-нибудь выпить.

Маклин нашел старшего инспектора Дагвида в его кабинете на третьем этаже. Кабинет был теплый, раза в три больше, чем комнатуха Маклина, и в светлое время из окна открывался прекрасный вид на холм Артура. Очевидно, это было одним из преимуществ высокого ранга.

– Я слышал, вы меня ищете, сэр?

Сидевший за столом Дагвид пробурчал что-то невнятное, не прекращая листать страницы дела. Маклин не мог не обратить внимания, что его предварительный рапорт по делу Одри Карпентер был аккуратно отложен на край столешницы.

– Итак, ты сумел установить личность девушки, – обратился к нему Дагвид после долгой паузы. – И даже не поленился съездить к ее родителям.

– Требовалось формальное опознание, сэр. Кроме того...

– Тебе никогда раньше не говорили, что когда ты работаешь на территории другого управления, их следует оповестить – если не из вежливости, то хотя бы ради интересов дела? – Подчеркнуто нейтральный тон Дагвида никогда не предвещал ничего хорошего.

– Мы связались с Глазго, сэр. Детектив-сержант Кумбс сказал, что вышлет группу нам в поддержку.

– Вот оно как? Тогда будь любезен, объясни мне, какого

хера я только что провисел битый час на телефоне, извиняясь перед каким-то алкоголиком-суперинтендантом из отдела по борьбе с организованной преступностью – плюс еще этот его гребаный северный акцент! – за то, что один из моих людей сорвал ему тщательно подготовленную операцию?

– Какую операцию?

– А ты что думал? Что можно просто так заглянуть на огонек к одному из самых крутых парней во всем Глазго? Да еще и обвинить его в убийстве собственной дочери?

– Я его не...

– Не смей перебивать меня, Маклин! – Дагвид взметнулся из кресла подобно вулканическому извержению, шарахнул кулаками по столу. Теперь он впал в ярость, что было намного привычней и проще. – Ты отправился к Макдугалу без какой-либо поддержки, так?

– Со мной был констебль Макбрайд.

– Отличная идея! Почему бы не рискнуть жизнью еще одного необстрелянного юнца? Неудивительно, что у нас людей не хватает! Твоими усилиями у нас скоро вообще никого не останется!

Спокойствие. Не вздумай заглатывать наживку. Перетерпи разнос и продолжай работать.

– Какого черта тебя вообще туда понесло? Отправь фотографии по факсу в ближайший участок, и пусть они там сами поработают.

Ага, а мне потом неделю ждать ответа.

– Мне нужно было лично поговорить с Макдугалом, сэр.

– За каким хером? Чтобы швыряться вздорными обвинениями прямо ему в лицо? Ты случайно не слышал, за что он получил кличку «Бритва», а?

– Макдугал домогался собственной дочери. Поэтому она сбежала. Поэтому жила среди бездомных. Но она начала откровенничать с журналистами. Все подробности выплыли бы наружу, это только вопрос времени. Не знаю насчет вас, сэр, но с моей точки зрения для Макдугала это более чем достаточный мотив.

Дагвид снова плюхнулся в кресло, выражение гнева на его лице сменилось чем-то наподобие заинтересованности. Он бросил быстрый взгляд на рапорт, потом повернул голову к Маклину.

– Тебе не следовало туда идти без парней из оргпреступности. В крайнем случае – без местных детективов. Макдугал – опытный рецидивист и прекрасно знает, к чему в действиях полиции можно прицепиться. На тебя уже подана формальная жалоба.

– Если Комиссия по этике желает со мной побеседовать, я всегда готов, сэр. Я не чувствую за собой никакой вины.

– Я это уже не в первый раз слышу. Ладно, Маклин, иди работай. Подробности обсудим завтра на оперативке. Раз у нас есть подозреваемый, на какое-то время мы можем заткнуть рот прессе.

– Сэр, я не уверен, что у нас...

– Завтра, Маклин, завтра. – Дагвид жестом приказал ему замолчать. – Сейчас я снова буду звонить в Глазго.

Толпа рождественских покупателей ворочалась на ярко освещенном тротуаре Принсес-стрит и верхнего отрезка Лиф-уок подобно огромному, несколько дезориентированному животному. Во всяком случае, Маклин полагал, что это рождественские покупатели, хотя было всего лишь начало декабря. Уже почти девять вечера, магазинам давно следовало закрыться, однако торговый центр «Сент-Джеймс» под завязку набит людьми. Вот вам и режим антикризисной экономики.

Маклин сгруппировался и принялся проталкиваться сквозь толпу по направлению к Норт-Бридж. День был долгим и полным всякого дерьма, и ему просто необходимо было пропустить стаканчик.

Погруженный в свои мысли, он не сразу отреагировал, когда что-то привлекло его внимание за стеклянной витриной универмага «Джон Льюис». Он не был уверен, что именно, но оно заставило его застыть на месте, что вызвало приглушенные ругательства других прохожих, внезапно обнаруживших препятствие на пути. Он сделал шаг назад, напряженно вглядываясь сквозь стекло в многочисленных покупателей, продавцов в униформе, полки, под завязку забитые всевозможными елочными игрушками и прочей подобной белибердой...

Потом он увидел его. Почти со спины, одетого в совершенно нетипичные для него джинсы и кожаную куртку. Но не узнать все равно было невозможно.

– Андерсон!

Маклин принялся продираться сквозь толпу, не особо заботясь о тех, кого отталкивал с дороги. Двери магазина – медленно вращающиеся стеклянные панели – застывали в неподвижности всякий раз, стоило зазевавшемуся покупателю чуть замешкаться на входе. Маклину, который спешил прорваться внутрь, казалось, что мешкает буквально каждый. Он терял драгоценные секунды, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, пытаясь заглянуть поверх голов, изнывая от страха, что дичь вот-вот ускользнет. Наконец дверь совершила очередной оборот, и новая группа людей вывалилась в тепло универмага. Маклин протолкался сквозь вошедших вместе с ним, не обращая внимания на укоризненные взгляды и недовольные реплики вполголоса, и ринулся к полке, рядом с которой заметил Андерсона минуту назад.

– Могу я вам помочь, сэр? Только мы закрываемся через десять минут...

Маклин обернулся и увидел молоденькую продавщицу, глядящую на него с неуверенной улыбкой.

– Да. Я разыскиваю одного человека. Пожилой, примерно вот такого роста. – Маклин отмерил ладонью расстояние от пола, повыше продавщицы, пониже собственного подбородка. – Джинсы, коричневая кожаная куртка. Волосы, те, что

остались, – седые.

– Прошу прощения, сэр. Я такого не замечала. Сами видите, сколько народу – и так весь вечер.

– Как насчет камер наблюдения? – Маклин обвел взглядом потолок и увидел сразу несколько, все – направленные на вращающиеся двери.

– Сэр, я не уверена, что мы можем...

– Я из полиции. – Маклин нашел в кармане удостоверение.

Улыбка исчезла с лица девушки, она отвела глаза и нервно уставилась на свой кассовый аппарат.

– Сейчас позову менеджера. – И продавщица бросилась прочь.

– Остановите вот здесь. Можно увеличить изображение?

Маклин сидел в полутемной комнате видеонаблюдения где-то в недрах универмага и всматривался в нечеткие, подмигивающие изображения сразу на нескольких экранах. Оборудование здесь было значительно сложнее, чем то, что они использовали для оперативного просмотра записей в управлении – хотя, конечно, с городским центральным пунктом наблюдения оно тоже не шло ни в какое сравнение. Начальник охранной смены, сдерживая зевету, принялся возиться с кнопками, фокусируя изображение на единственном человеке. Качество заметно ухудшилось, но и нескольких расплывчатых пикселей телесного цвета Маклину ока-

залось достаточно.

– Прошу прощения, это опять не он. Будьте добры, еще чуть-чуть назад.

– Простите, сэр, долго мы еще будем? – уточнил охранник. – Вообще-то, моя смена уже час как закончилась.

Маклин взглянул на часы. Пол-одиннадцатого, а они успели просмотреть лишь ничтожную часть записей. Похоже, весь магазин был утыкан камерами, и все они показывали в слегка расфокусированном виде лишь бесконечные потоки суетливых покупателей. Просмотреть все было совершенно непосильной задачей, и голос рассудка давно подсказывал Маклину, что он ведет себя как последний идиот. Это был не Андерсон, просто кто-то, на него похожий, реакция Маклина изначально была чрезмерной. Возможно, на него слишком повлияли похороны. И мертвая девушка.

– Вы правы, прошу меня извинить. – Маклин потер слезящиеся от утомления глаза. Что-то нужно было делать, но вряд ли имело смысл и дальше час за часом вглядываться в моргающие экраны.

– Послушайте, а нельзя ли мне получить копии всех записей за этот вечер? Пару часов перед закрытием. – Или нескольких минут будет достаточно? Он уже видел запись того, как сам ворвался в магазин, аккуратно запечатленную на магнитной ленте. Возможно, на диске компьютера, или на чем там они сейчас все это записывают?

– Не могу сказать точно, сэр. Думаю, что да, но мне надо

запросить разрешение начальства. А вам копия прямо сейчас нужна? – Охранник смотрел на него с таким отчаянием, что Маклин был вынужден сжалиться над ним.

– Можно не сейчас. – Он порылся в карманах, достал визитку и протянул ее охраннику. – Особой спешки нет, но не больше одного-двух дней, пожалуйста.

Начальник охраны ухватился за визитку, как за выигрышный лотерейный билет.

– Конечно, конечно, обязательно постараюсь помочь.

Выйдя через служебный вход на морозный ночной воздух, Маклин достал телефон и принялся тыкать пальцами в кнопки. Вообще-то, номер давно уже следовало внести в память для автонабора, но Маклин и так помнил его наизусть. А сейчас ему нужно было чего-нибудь выпить, а не возиться полчаса с полезной, но не слишком послушной техникой.

– Алло.

Женский голос на другом конце. Рейчел. Черт, он надеялся, что с ней-то говорить не придется.

– Привет, Рей, это Тони. Как дела?

– Да все как обычно. Доставили каталог платьев для подружек невесты, потом – последние согласования насчет меню. Оркестр что-то начал дурака валять. Даже не знаю, может, ты как-то на них повлияешь – штраф за парковку им выпишешь, что ли?

Маклин расхохотался.

– Рей, до свадьбы еще полгода!

– Тони, что такое полгода? Ты глазом моргнуть не успеешь, как они пролетят. Все должно быть распланировано уже сейчас.

– Все будет в порядке, я в тебе не сомневаюсь. И вообще, я-то надеялся, что Фил организует свадебное путешествие в Лас-Вегас. И ты там убежишь от него с каким-нибудь клоном

Элвиса.

– Брось уже свои шуточки. Ты ведь с Филом и хотел поговорить?

– Если честно, я хотел у тебя его украсть на вечер. – Он посмотрел на темные тучи, на пустую, неярко освещенную боковую улицу. – На то, что еще осталось от вечера.

– Забирай на здоровье, все равно он только под ногами путается. Но пообещай вернуть обратно.

– Договорились, Рей. Передай ему, что через полчаса я буду в «Доспехах».

Пряча телефон в карман, Маклин вознес беззвучную хвалу небесам за то, что застал Рейчел в хорошем настроении. В последнее время, по мере того как свадьба стала понемногу приближаться, у нее вошло в привычку звонить ему в самое неурочное время с разными бестолковыми вопросами. Он уже организовал мальчишник? С кем он будет на свадьбе? И во что она будет одета? Он мог только посочувствовать Филу. Его бывшему соседу по квартире и лучшему другу наверняка приходилось вдесятеро хуже.

По дороге Маклин проглотил кебаб в душистом тепле забегаловки и все равно до паба добрался раньше. Он уже успел наполовину осушить первую пинту, когда двери вместе с волной морозного воздуха наконец пропустили внутрь знакомую фигуру, более всего похожую на растрепанную жердь.

– Опаздываешь. – Маклин протянул другу бокал, совсем такой же, как и его собственный, только полный.

Фил схватил его и тоже осушил наполовину – одним долгим глотком.

– Ух, то, что нужно! – Он вытер пену с верхней губы и улыбнулся. Маклину показалось, что Фил выглядел уставшим и что в морщинках вокруг глаз читалась не столько улыбка, сколько недосып. – Черт побери, иногда сам не могу понять, как я на это согласился.

– Рейчел тебя вымотала? Если судить по нашему разговору, она вроде в хорошем настроении?

– Да нет, дело не в Рей. Конечно, она слегка зациклилась на свадьбе, но в остальном ведет себя как хорошая девочка. – Фил ухмыльнулся и на мгновение стал похож на себя прежнего. – Дело в моей лаборатории. Я-то думал, профессор – это когда ты сидишь себе целый день в кабинете, почитываешь статьи, придумываешь, как бы еще ужучить студентов, и ждешь приглашений на международные конференции.

– А разве оно не так?

– Да хрен-то. У меня бюджет, как у небольшой банановой республики, и штат высокооплачиваемых примадонн-ученых, каждому из которых требуется петь дифирамбы по часу в день. Про заседания я не говорю. Охрана труда, связи с общественностью, научная этика, я уже не помню, когда последний раз пробирку в руках держал... Ты чего это такой довольный?

– За тебя радуюсь, – хлопнул старого приятеля по плечу Маклин. – Наконец-то вижу не мальчика, но мужа.

– Ну да, похоже на то. Вроде как я теперь за людей отвечаю.

– Мне ты об этом можешь не рассказывать. От инспектора – почти никаких отличий. В теории я должен вести следствие, но добрую половину времени только и делаю, что раздаю указания констеблям и сержантам.

– Всего-то половину? Ладно, пойду организую еще по одной. – Фил прикончил свою пинту, а Маклин не спеша допил свою, ожидая, пока подоспеет следующая партия. Они взяли бокалы и отошли от стойки к угловому столику, подальше от музыкального автомата, оглашающего воздух каким-то древним мотивом, кажется, еще из восьмидесятых.

– Я так понимаю, ты уже подготовил свою речь для свадьбы? – поинтересовался Фил.

– Можно, я просто симпровизирую?

– Если жизнь тебе не дорога, то ради бога. Ты просто еще не видел Рейчел в гневе.

– Похоже, все-таки придется подготовиться. Потом, на мне ведь еще мальчишник. Ты сам-то куда хотел бы?

– Да куда угодно, лишь бы твоих приятелей-полицейских там было поменьше.

Маклин соорудил оскорбленную мину.

– Что не так с моими приятелями?

– Персонально с каждым – все в полном порядке. С Бо-

бом вообще не соскучишься, юный Мак-как-там-его пока что напускает на себя слишком серьезный вид, но это пройдет. Большой Энди незаменим, когда в пабе устраивают викторины. Только вот все вместе они как-то легко выходят из-под контроля. А я еще думал, что это мои студенты пить не умеют.

Маклин вспомнил другой мальчишник, Большого Энди Хаусмана, и понял, что имеет в виду Фил. В свободное от службы время группа полицейских в комбинации с изрядным количеством алкоголя действительно представляла собой гремучую смесь.

– Постараюсь обойтись минимумом личного состава, Фил. Можешь на меня положиться.

– И что же ты планируешь? Боулинг и индийский ресторан? Катание на коньках в Марифилде? Стриптиз-клуб в Лите?

– Учту любые твои пожелания. – Маклин мысленно завязал узелок – «срочно приступить к организации мальчишника». В конце концов, с тех пор как Фил пригласил его быть свидетелем, уже полгода прошло. – Вот только если в программе будет что-то, связанное с женщинами, Рейчел меня убьет.

– Разумеется. Только мы ведь ей не скажем, правда? Насколько я в курсе, Дженни планирует для девичника что-то совсем отвязное. Кстати, она просила у тебя уточнить, не следует ли ей пригласить Эмму. Сам знаешь, чтобы заранее

познакомиться с остальными девочками, а то на свадьбе она будет не в своей тарелке.

– Не знаю. – Маклин сделал большой глоток, чувствуя неловкость от того, куда повернула беседа, и не вполне понимая причину этой неловкости. – Надо будет уточнить у Эммы, идет ли она на свадьбу.

– Что? Ты не знаешь, идет ли Эмма на свадьбу? Но ты по крайней мере пригласил ее? Пригласил, ведь правда? У Рейчел случится припадок, если вдруг выяснится, что свидетель придет на свадьбу в одиночку!

– Я приглашу, Фил. Обещаю.

– Ох, Тони, Тони. Что за кошка между вами пробежала? Вроде бы вы с ней были в прекрасных отношениях. Что-то случилось?

– Ну, у нас разные смены, и вообще много работы... Не знаю я, Фил. Наверное, привык уже к холостяцкой жизни.

– Дурак вы, детектив-инспектор Маклин, вот что! – Фил выбрался из-за стола и ухватил пустые бокалы, непостижимым образом обнаружившиеся на месте полных.

– Я закажу еще, – потянулся за бумажником Маклин.

– Закажешь в следующий раз, я все равно отлить иду. – Фил удалился, оставив Маклина размышлять о том, почему, собственно, он не проявляет особой инициативы в отношениях с Эммой Бэйард, экспертом-криминалистом и единственной женщиной, которой доводилось спать в его постели за последние десять лет. С поправкой на то, что она забра-

лась туда в изрядном подпитии и сразу отключилась, а сам он так и вообще не проснулся.

– Знаешь, нам стоило сюда завалиться еще вчера, – сообщил Фил, вернувшись с третьей парой бокалов.

– Так позвонил бы.

– Я звонил, ты не ответил. Сообщения на твой дурацкий автоответчик я не стал оставлять, все равно ты их сроду не слушаешь.

– Ох, и правда. Я был в Абердине. Вернулся вечером, и сразу – на пожар, на фабрику «Вудбэри». Дома был, по-моему, уже после двух.

– А, я этот пожар в новостях видел. Говорят, сгорело мгновенно. Я так понял, теперь осталось только снести развалины и построить на их месте многоквартирный дом. Не знаю, впрочем, что хуже – это или превратить старое здание в роскошные апартаменты для богатеньких.

– Что ты такое сказал? – удивился Маклин.

– Да то, что печально видеть, как застройщики, у которых только деньги на уме, потрошат старинные здания. Те люди, что построили их в свое время, истинные предприниматели, они создали сам этот город и его благосостояние, вдохнули в него жизнь. И что там сейчас? Сплошные камеры наблюдения да колючая проволока. Въезд во двор по пропускам. Все наоборот, здания высасывают жизнь из города.

– Забавно, я это уже второй раз за сегодня слышу.

– А в первый раз от кого?

– Я разговаривал с комендантом фабрики. Старикашка совсем из ума выжил, твердит, что здание само себя сожгло, лишь бы не стать апартаментами. Типа как самоубийство.

Фил подавился пивом, из носа и рта у него полезла пена. Маклину пришлось хлопнуть его пару раз по спине, пока тот не перестал кашлять и не восстановил дыхание.

– Так и не научился пить, приятель!

– Нет, но это же бесподобно! Здание-самоубийца! Где ты только, Тони, таких старичков находишь?

– Места надо знать.

– А в Абердине ты что делал? – Голос Фила все еще звучал выше, чем обычно. Маклин нахмурился. Он надеялся как-то избежать этой темы, что, впрочем, было совершенно бессмысленно. Информация вот-вот попадет в новости, и уж его-то лучший друг имеет право узнать раньше остальных.

– Андерсон мертв, – ответил он. Потом рассказал Филу подробности.

Глубокая ночь. Маклин шел домой из паба по практически безмолвному городу. Через парк «Мидоуз» изредка проносились одинокие такси, долетали крики пьяниц-получников или накатывал отдаленный рокот – словно общий пульс сотен тысяч горожан. Маклин глубоко вдыхал морозный воздух и изо всех сил старался не думать о Дональде Андерсоне и Одри Карпентер. Однако земля продолжала барабанить по крышке гроба на продуваемом всеми ветрами

абердинском кладбище. И белое мертвое лицо все еще смотрело на него со стола патологоанатома. А выпитое пиво не позволяло сознанию уцепиться за тонкие, фарфоровые черты этого лица, и оно превращалось в другое лицо, в другом времени.

Он уже копался в кармане, пытаясь найти ключи, и тут наконец осознал, что именно беспокоило его с того момента, когда он свернул на свою улицу. Маклин втянул носом воздух: поблизости что-то горело, издавая знакомый, острый, откровенно противозаконный запах. Он оглянулся – рядом никого не было. На другом конце улицы прошуршал припозднившийся автобус; когда он затих вдалеке, стало слышно приглушенное потрескивание пламени. Маклин шагнул назад от дверей, поднял глаза на окна своей квартиры. В темных стеклах отражались лишь слабо светящиеся тучи, но какое-то движение заставило его перевести взгляд на этаж ниже, на другую сторону здания.

Эту квартиру всегда снимали студенты; казалось, лица соседей менялись чуть ли не каждый месяц. Нынешние жильцы по крайней мере не имели привычки подпирать входную дверь камнем, чтобы всякий раз не спускаться навстречу гостям. Зато они слушали по ночам громкую музыку и почти никогда не открывали старые деревянные ставни. Ставни были закрыты и сейчас, но сквозь тоненькую щель посередине виднелся пляшущий и подмигивающий свет.

Маклин сосредоточился на ключах, лихорадочно пытаясь

нащупать тот, что от входной двери. На кольцо были и ключи от бабушкиного дома на другой стороне города, так что Маклин чуть не уронил тяжелую связку себе под ноги. Проклиная на чем свет стоит выпитое пиво, он наконец кое-как сумел отпереть дверь и шагнул в темноту.

Внутри было жарко, чересчур жарко для декабря, и с первым же вдохом горло запершило от гари. Маклин поднял глаза – по потолку стелился бледно-серый дым. Было видно, как в конце коридора дым стекает сверху по лестнице, змеей просачивается сквозь металлические поручни. Он вытащил телефон, на ходу набрал номер.

– Служба спасения, изложите причину вызова.

Скучающий женский голос в трубке. Очередной звонок от очередного придурка, беспокоиться, как всегда, не о чем.

– Пожарные, скорая помощь, полиция! – Маклин дождался, чтобы оператор повторила запрос, назвал адрес. Он уже успел взбежать на второй этаж. На лестничную площадку выходили две двери. Студенческая квартира и служащий инвестиционного банка – если не изменяет память, он сейчас в заграничной командировке. Стеклопанель над его дверью была темной, за противоположной панелью рыжее пламя плясало среди черных клубов дыма. Дым также струился через замочную скважину, просачивался из-под двери.

В несколько прыжков Маклин оказался на верхнем этаже, прикрывая нос и рот рукавом пальто – дым здесь был намного гуще. Не оборачиваясь к собственной квартире, он бро-

сился к двери напротив и принялся колотить по деревянной обшивке:

– Мистер Шин! Вы меня слышите? Мистер Шин! Это Тони Маклин! Проснитесь! Пожар! – Горло драл неожиданно сладковатый дым, Маклин закашлялся и почувствовал, что слова звучат на удивление нелепо. Сделав шаг назад, он устался на панель над дверью, надеясь, что в коридоре загорится свет. Ничего. Или ему показалось? Мигнул какой-то огонек?

Не дожидаясь ответа, Маклин изо всех сил ударил в дверь ногой. Она треснула, но не поддалась. Он ударил еще раз, одна из панелей с грохотом улетела в квартиру. Заглянув внутрь, он увидел только струи дыма; мгновение спустя дым пополз наружу через дыру в двери. Маклин сунул руку в пролом, нащупывая задвижку и надеясь, что сосед не запирается на ключ. На этот раз ему повезло.

Как только дверь распахнулась, жар охватил его со всех сторон, на лестничную площадку хлынул дым. Поглубже вдохнув относительно чистого воздуха, Маклин осторожно ступил внутрь. Пол под его весом трещал и, похоже, начал прогибаться. Маклин вдруг осознал, какой силы пламя бушует прямо под ним. Ему следовало бы предоставить эту работу пожарным, но что если они приедут слишком поздно?

Он открыл дверь, надеясь, что за ней – спальня. По комнате вились клубы дыма, выползая в узенький коридорчик – мистер Шин явно был не из тех, кто спит с открытой форточ-

кой. Маклин хотел крикнуть, но побоялся сделать слишком глубокий вдох. Вместо этого он поспешил к кровати, ухватил спящего на ней человека за плечо, крепко тряхнул. Никакой реакции.

Маклин нагнулся поближе, пытаясь понять, дышит ли сосед, но в комнате было слишком темно и дымно. Глаза слезились, горло горело. Краем уха он услышал новый звук – рев пламени, наконец-то вырвавшегося на волю. Времени не было. Он откинул одеяло, выдернул мистера Шина из постели, взвалил на плечо. По пути обратно в коридор Маклин, задыхаясь, еще успел порадоваться, что его пожилой сосед достаточно худ. Несмотря на это, от тяжести шатало, а жар стал почти непереносимым. Дверь в гостиную вспыхнула и распахнулась прямо у него перед носом, как в дешевом фильме ужасов. Огонь осветил коридор: полированные доски пола на глазах чернели и коробились. Пламя в квартире под ним поглощало потолок и балки перекрытий; еще немного, и пол провалится. Если он не успеет, то и сам рухнет вниз.

Перехватив поудобней тело мистера Шина в пижаме, Маклин заковылял к входной двери. Он слышал, как трещат половицы под его весом, чувствовал, как пол ходит под ним ходуном, и тогда он решился и рванул вперед со всей возможной скоростью. Когда в последнем прыжке он вышиб входную дверь и оказался в относительной безопасности каменной лестничной клетки, пол за спиной рухнул.

Длинный язык огня пронесся над головой Маклина, опа-

лил волосы и поджег пижаму мистера Шина. Маклин упал на колени. Какой-то миг он был не в состоянии двигаться от слабости, а его сознание помутилось от недостатка кислорода. Он лишь тупо смотрел, как по ткани пижамы бегут мелкие язычки пламени. А за ними, слегка не в фокусе, видел дверь собственной квартиры. За которой – вся его жизнь. Он должен был попасть внутрь, попытаться спасти хотя бы то, что сможет унести. Последние воспоминания о той, прежней жизни, которой он лишился.

На втором этаже что-то с грохотом лопнуло. Звук пробился сквозь туман, помрачивший его рассудок, и Маклин пришел в себя в достаточной степени, чтобы осознать, что творится вокруг. Он сбил ладонью пламя с пижамы мистера Шина, с усилием поднялся на ноги и поволок за собой соседа. Опираясь на кирпичную стену, он кое-как спустился на этаж. Дверь в квартиру студентов пылала, языки пламени лизали потолок лестничной клетки, по другую сторону которого он лежал минуту назад. Судя по тому, что было видно сквозь панель над противоположной дверью, квартира банковского служащего уже занялась. Его собственной квартире этажом выше оставалось совсем недолго.

Жар, пышущий из квартиры студентов, был невыносимый, но чтобы попасть вниз, требовалось миновать пылающую дверь. Сжав зубы, он протиснулся мимо, прикрывая собой бесчувственное тело и молясь, чтобы не вспыхнуло пальто. Ниже на лестнице он почувствовал дуновение ветра – это

тяга от пожара всасывала воздух через распахнутую дверь подъезда. Ветерок принес долгожданное облегчение и дал ему силы спуститься на последний лестничный пролет, волоча за собой мистера Шина.

Под завывание сирен, эхом отражающееся от стен соседних домов, Маклин свалился на тротуар на другой стороне улицы. Он был так измучен, что совсем позабыл о неподвижно лежащем рядом соседе, и лишь жадно глотал сладкий, холодный эдинбургский воздух. В домах по обеим сторонам улицы, подобно волшебным болотным огонькам, вспыхивало окно за окном. За стеклами виднелись крошечные, как у фей, личики. Из-за угла, скрипя колодками, выкатилась пожарная машина и резко остановилась. Не успел экипаж из желтых человечков высыпать наружу, как рядом затормозила вторая. Маклин с трудом поднялся на ноги и заковылял обратно через дорогу, навстречу ему бросилась знакомая фигура. Похоже, пожарный дознаватель Джим Барроуз его не узнал.

– В доме есть кто-то еще?

– На первом этаже. – Маклин ткнул рукой в сторону ближайшего окна. – Старушка, миссис Маккатчен. Живет одна. Осторожно – там полно кошек.

– Черт побери, с вами все в порядке, сэр?

Маклин оглянулся и увидел, что к ним спешат двое полицейских. К его облегчению, одним из них был сержант Хау-

сман, но прежде чем он успел ответить, ночь разорвал оглушительный взрыв. Сверху, барабана по крышам припаркованных автомобилей, посыпались куски стекла и оконных рам. Под ноги Маклину шмякнулся какой-то тяжелый предмет, обугленный дочерна и источающий все тот же сладковатый дымок.

– Перекрой улицу, Энди. И вызови сюда всех, кого удастся найти. Нам придется эвакуировать жителей из двух соседних домов. И с другой стороны квартала – тоже.

Он нагнулся и потрогал дымящийся сверток, впервые обратив внимание, что его рука черна от сажи. В любой момент его может настичь шок; возможно, уже настиг.

– Как там мистер Шин?

– Кто это? – переспросил Хаусман.

– Мой сосед. – Маклин поднял сверток, обмел рукой обуглившийся верхний слой. Следующий слой был прохладным и совсем не пострадал. Кроша в пальцах содержимое свертка, Маклин повернулся к противоположному тротуару, где оставил соседа, и в его сознании впервые оформилась ужасная мысль.

На тротуаре собралась небольшая кучка людей, двое медиков сидели на корточках рядом с лежавшим навзничь телом. Большой Энди протиснулся мимо Маклина и стал отгонять зевак, чтобы те не мешали оказывать помощь, но Маклин уже видел, что пользы от этого никакой. Медики ничего не делали, чтобы спасти жизнь мистеру Шину, по их уста-

ло сторбленными спинами все было ясно.

– Он мертв, да? – Маклин опустился на корточки рядом, не переставая ковырять обугленный сверток.

– Умер еще до нашего приезда, – не оборачиваясь ответил врач. – Мы уже ничем не могли помочь.

Маклин тяжело поднялся на ноги и сразу ухватился за ближайшую машину – закружилась голова. На улице теперь царила суматоха: целая шеренга пожарных машин, он сбился со счета; лестницы, шланги, сопутствующий шум; запах пара, древесного угля, горелого пластика и жареного мяса.

– Вы в порядке сэр?

Маклин едва понял, что обращаются к нему. Его мысли были сосредоточены на горелом предмете, вылетевшем из студенческой квартиры. Теперь он знал, что это за предмет, и наконец-то понял, что случилось.

– Энди? – Он завертел головой в поисках верзилы-полицейского.

– Сэр, я думаю, мы должны вас осмотреть.

Медик взял Маклина за локоть. Он стряхнул руку:

– Я полицейский следователь!

– Насколько я могу судить, вы полицейский следователь в состоянии шока.

– Со мной все нормально. Просто голова слегка кружится. Глотнул чуть-чуть дыму.

В его поле зрения вплыл кто-то крупный, Маклин не сразу понял, что это сержант Хаусман.

– Энди? Вот ты где! Отправляйся в управление и тащи сюда Дэгвуда.

– Сейчас два часа ночи, сэр. Не думаю, что он там.

– Значит, разбуди его. Хотя погоди, если подумать, это не самая лучшая мысль. Но потом не забудь ему доложить.

– Докложить о чем, сэр? Мне кажется, вам лучше пройти с доктором.

– Я в норме, Энди. – Маклин протянул ему обугленный сверток, отколупнул пальцем с краю. Вокруг царил хаос, вся его прежняя жизнь только что в буквальном смысле пошла прахом, но больше всего его сейчас поражало это невероятное совпадение.

– Гашиш, Энди. За которым мы охотимся уже несколько месяцев. Ублюдки выращивали траву прямо у меня под носом.

И в этот момент его прорвало. Он принялся неудержимо хохотать, его буквально тошнило смехом. Задохнувшись, он начал судорожно глотать воздух – после дыма легкие просто отказывались работать, – но хохотать так и не перестал. Даже когда медик надел на него кислородную маску.

– Знаешь, кто ты после этого, Тони Маклин? Эгоист несчастный, вот кто!

Он сидит за кухонным столом, сжимая руками кофейную чашку и тщетно пытаюсь придумать, что здесь можно возразить. Но и произнося свое обычное оправдание, в глубине души он осознает ее правоту.

– Послушай, Керсти. Если бы это хоть как-то зависело от меня...

– Я больше не хочу этого слышать! Даже не начинай. – Она стоит в дверях, уперев руки в бока, длинные черные волосы сегодня распущены и свободно ниспадают на спину. Ей очень идет юбка, которую он подарил, прекрасно подходит к ее зеленым глазам. Даже когда она в гневе, он не может не обратить внимания на эти глаза и не улыбнуться, почти совсем незаметно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.